

Роман Уроборос

День народного единства

Роман

Роман Уроборос

День народного единства

«Издательские решения»

Уроборос Р.

День народного единства / Р. Уроборос — «Издательские решения»,

О чем этот роман? Казалось бы, это двенадцать не связанных друг с другом рассказов. Или что-то их все же объединяет? Что нас всех объединяет? Нас, русских. Водка? Кровь? Любовь! Вот, что нас всех объединяет. Несмотря на все ужасы, которые происходили в прошлом и, несомненно, произойдут в будущем. И сквозь века и сквозь столетия, одна женщина, певица поет нам эту песню. Я чувствую любовь! Поет она. И значит, любовь есть. Ты чувствуешь любовь, читатель?

© Уроборос Р.

© Издательские решения

Содержание

2 января 2007 года	6
3 января 1917 года	20
4 января 1990 года	34
Конец ознакомительного фрагмента.	49

День народного единства
Роман
Роман Уроборос

© Роман Уроборос, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

2 января 2007 года

И снится мне сон, что, несмотря, на всякие перипетии, мою подписку о невыезде, полное отсутствие денег и прочее, все-таки поехали мы в Аргентину покорять эту чертову гору. Не помню, как она называется. Но на семь тысяч метров она над уровнем моря возвышается. Высокая. Выше Килиманджаро она на километр. Если не больше. И вот привозят нас на такси в аэропорт. Не пойму в какой. Иногда мне кажется, что это Шереметьево, иногда, что Домодедово. Идем мы с Петей и Павликом по аэропорту, а он пустой. Вообще никого народу. А Петя и Паша – это такие псевдоблизнецы. То есть похожи они друг на друга, как близнецы. Но не близнецы, это точно. Погодки. В очечках джонленоновских. Проходим мы таможенный контроль. Таможенников нет. Проходим регистрацию. Никого нет. Так, а на самом деле, по-моему, сначала регистрация происходит, а потом таможенный контроль. Паспортного контроля вообще не оказалось. Зато мы оказались в баре. Вроде ирландский бар, с характерным интерьерчиком, деревянные столы и стулья, везде надпись «Guinness» светится, посетителей нет совсем. Бармен с утиным носом, что-то нам на своем крикает. Петя ему говорит, что у нас до посадки в самолет времени совсем мало осталось, поэтому быстро надо нести темного пива по кружке и по двойному «Chivas». Он принес в стаканах молоко и в пивных кружках кефир. Вроде выпили все быстро. И надо срочно нам бежать к месту посадки. И вдруг, как бы изменилась картинка вокруг. Мы уже в самолете сидим. Самолет уже взлетел. Люди какие-то рядом сидят. А Пети с Пашей в самолете уже нет. И смотрю, самолет падает. Падает!!! Все!!! Ужас!!! Нет, низко-низко летит. Выравнивает курс. Тангаж выравнивает. Рыскание. Под мостом пролетает. А по мосту паровоз едет трубой дымит.

Сели, кажется, вышли все, и я вышел. И как будто ничего не произошло. Тут я вспомнил, что во сне, я всегда так на самолетах летаю. Боюсь все время, что не долечу. Он начинает падать. Потом садится нормально, без происшествий. И путешествия во сне продолжаются. В зале каком-то оказываюсь. Помещение огромное. И с непонятным назначением. То ли вокзал, то ли столовая, то ли стоянка такси. Пригляделся, братья-недоблизнецы тут, как тут. Я у них спрашиваю, мол, вы где, черти, были? Я тут не погиб чуть было в самолете. А Паша ухмыляется и кружку томатного сока мне протягивает, полную до краев. Тут еще один человек подходит и говорит, я гид Ваш, поехали быстрее на снегоходе до горы этой. И вот мы в снегоходе. С нами девчонки какие-то раздетые. Полураздетые. В купальниках. Одна из них на Ирку очень похожа. Она подсаживается ко мне. Точно – Ирка. Она начинает обнимать меня, гладить и целовать. Так приятно стало. Я даже от этого проснулся. Поворочался в постели минут десять и опять заснул.

Оглядываюсь по сторонам. Ирки нет. Да, я Вам забыл сказать, что снегоход этот по размерам, как вагон метро в московском метрополитене. Только сидения стоят, как в самолете, по ходу движения. И расстояния между ними даже больше, чем в бизнес классе. И огромные окна по бокам. Паши нет. Пети нет. Девушки есть. Одна на Юльку похожа, другая – на Ленку. Подсаживаются ко мне, и я начинаю с ними целоваться. По очереди. Но вкус от поцелуя сухой такой, горький. Как будто во рту у них наждачная бумага. Отталкиваю я их и выпрыгиваю на ходу из этого снегохода-поезда. А я в одежде теплой зимней. В шапке-ушанке и валенках. Иду по снегу в гору. А впереди меня люди какие-то. Догоняю их, а это Паша, Петя и гид этот наш. Его зовут Иваном. С ударением на первый слог. Петя мне сразу стакан морса протягивает и остальным тоже. Выпиваем. Покурили. Пошли дальше в гору. Я голый почему-то. Но мне совсем не холодно. Но я очень стесняться начинаю, думаю, как же, я голый, сейчас люди увидят. И я оказываюсь на проходной своего родного института. Иду, думаю, сейчас знакомые увидят, стыд какой. Начинаю глазами искать, где бы спрятаться, вижу дверь, нажимаю на ручку, дверь поддается, и я оказываюсь в комнате с бассейном. Бассейн мраморный, стены-потолок

мраморные, пол мраморный. Вода синяя. В бассейне друг мой – Лёха. Алексей, Алешенька, сынок. Смотрит на меня недобрыми глазами. Сказать что-то хочет. Но молчит. Я иду к нему, говорю, привет Алексей. Он мне глазами показывает, иди ко мне в бассейн, ныряй. Я в бассейн сошел по мраморной лестнице. Смотрю, воды маловато как-то. По колено, и вода хоть и синяя, но какая-то непрозрачная, мутная. Лёша улыбается, говорит, что это к деньгам. Он всегда одно и то же говорит, вспомнил я. Что бы ни случилось, всегда – это к деньгам. Хотя денег у него никогда не было. Подхожу я к Алексею. И вдруг, он сбивает меня с ног и начинает топить. Я вырваться пытаюсь. Но он крепко держит меня. Вырваться я не могу, кислорода начинает не хватать, я думаю, сейчас вздохну, и полные легкие этой мутной воды наберу. Ещё не факт, что она не отравлена ядом. Подумал. И проснулся снова.

Мысль сонная пришла: вот Алексей, какой, а я ему денег каждый раз занимал, когда он меня просил. Встал, воды попил, посмотрел на часы. Без пяти три. Достал банку с медом. Взял ложку, зачерпнул. Положил в рот. Сосать мед начал. Мед белый, как сгущенное молоко. И на вкус молочно-сладкий. Сладко. Радостно стало. Сонно. Пойду дальше сны мои удивительные досматривать. Звонок. Они что, с ума сошли звонить мне в три часа ночи. И номер не определяется. Ало, говорю, кто это. Это я, Леха, отвечает мне веселый голос. Я посчитал, что у тебя там сейчас в Аргентине, два или три часа дня. Ну как там, спрашивает он. Тепло? Телочки в коротких юбках по улицам ходят? С Новым годом, короче! У тебя ведь сейчас первое число в Буэнос-Айресе твоём. Я в интерне посмотрел. Близнецы не шалят? Не набухали в лоскуты? Я говорю, Лех, не полетел я в Аргентину, следовательно не пустил, подписку о невыезде с меня взял... На той стороне провода воцарилась звенящая тишина. Прости, сказал мой друг, я вот старался, знаешь, время считал, думал тебе приятное сделать, прости. Да ладно, спокойной ночи, сказал я, спать пойду. Ещё долго мне спать осталось. И не дожидаясь ответа, прервал наш разговор. Лег под одеяло, закрыл глаза, тепло, приятно было под одеялом. Нега. Блаженство. А Лёха – хороший человек. Настоящий друг. Несмотря на то, что во сне пытался утопить меня в мутном бассейне. Как обычно пропустил я момент засыпания. И вот я уже в лесу мрачном. Хотя меня не покидает ощущение, что какую бы местность во сне я не видел. Всегда она находится в павильоне. Бывают такие, там фильмы снимают. Стены этого павильона, я и сейчас не вижу. Но ощущение есть. Потому что неба нет. А вверх что-то такое. Потолок, по-моему. Расплывчатый нечеткий. Иду дальше. Вижу кирпичный туалет. Захотелось сходить по-маленькому. Захожу. Довольно большой внутри. Писсуары в количестве двух штук висят. Подхожу. Расстегиваю ширинку. Не получается. Хотя писать очень хочется. Ого! Что это у меня в руках? Толстый, твердый. Держу его в руках. А приятно-то как. И длинный ведь он у меня какой. Почти до подбородка. Какой огромный, вот счастье. Лизнул языком головку два раза. Приятно. Эх, Ирка, Ирка. А ты ведь и не знала, что у меня вот какой он. А если бы знала. Да ладно. С таким счастьем, да бабу не найти. Пойду на улицу. Вышел я на улицу и проваливаюсь в снег. Холодный, колючий.

Петька меня за руку поймал. Вытащил. Говорит, ты бы, друг, аккуратней, а то мотает тебя, ты то тут, то там. Да я сам понимаю. То дома, то в бассейне, то эротические фантазии в туалете. Гора, брат, гора, Паша подошел и говорит. Гора – наша основная цель и мечта вот уже на протяжении двух лет. Помнишь, фотографии смотрели, напивались, песню даже сочинили. Помню, конечно. Ах, гора моя, гора, мне пора к тебе, пора. На три голоса, а капелла. Глупость. Мальчишество. Ребята, буря может начаться, на горе поговорите. Время будет. Иван подошел. Вот не нравится мне его лицо. Вроде открытое, мужественное, глаза голубые смотрят прямо тебе в глаза смело и правдиво. Раньше меня мои предчувствия не подводили. А снег все идет и идет. Пошли мы дальше. Они бегут вперед и скрываются из вида, а я крикнуть не могу, голоса у меня нет. Уже и не вижу их больше. Заваливает меня снегом. По пояс. По грудь. С головой. Задышаться начал. Кричать. Проснулся.

Что же такое? Встал. Воды напился. Пошел в туалет. Посмотрел на своего друга. Да, мечты, мечты. Да зачем мне большой? Он меня устраивает и такой. Да он всех устраивает. Еще никто не жаловался. А позвоню я Варе. Хотя сейчас четыре часа утра. Позвоню утром. И что я ей скажу? Скажу, Варя, а тебе не кажется, что наши отношения очень странные? Мы кто друг другу? Последнее время у меня ощущения такие. Что мы ведем себя как муж и жена. Созваниваемся постоянно. Волнуемся друг о друге. Ой, мысли не идут, застопорились. Волнуюсь. А что, собственно, волноваться. Уже тысячу раз друг другу сказали – мы друзья. И все. Нет. То ты мне позвонишь. То я тебе. То ты мне. То полгода не встречаемся. То вдруг ты мне набираешь и говоришь. Поехали за город, прогуляемся. В ноябре. Я тоже хорош. Напиваюсь и звоню тебе. Признаюсь в любви. Предлагаю выйти за себя замуж. Зачем? Давай зададим себе вопрос. Мы любим друг друга? Мы не можем жить друг без друга? Представь, что мы больше никогда не увидимся? Всё. Решено. Завтра звоню Варе и говорю ей. Варя, мы всего лишь бывшие любовники. Думаю, она обидится. И история эта занозная, но не особо напряженная для нас обоих. Закончится-завершится. К обоюдному удовлетворению сторон. Так, с Ирккой и остальными все понятно. Даже голову себе забивать не буду.

Остается Маня. Шарля. Пися. И еще много-много разных забавных прозвищ, которыми я называл её. Самая запутанная и затянутая. Самая платоническая и чистая история. Прогулки за ручку. Встречи рассветов. Провожание закатов. Она плачет у меня на плече, я вообще ничего не понимаю, а она не говорит. Я ей, зато, говорю. Знаешь, Бельчонок, мне, иногда, кажется, будто мы брат и сестра. Сестра и брат. И молчу, а она плачет. Потом успокоилась, улыбаться начала, чмокнула меня в щечку и убежала. И так всегда. А дальше – это смс-сообщение. Здравствуй шампурок, это я – твой шашлычок. Хочу, чтобы ты меня жарил, а я вертелась на тебе. Я перезваниваю, говорю, Муль, это что за эротические фантазии, у нас вроде... А она кричит, пошел вон, придурок, ты, что думал, пока ты тут четыре года около меня ходишь, у меня никого не было? Ты что больной? И трубку бросила. Я понял так, что смс эту она не мне написала, номер перепутала. На меня как будто небо упало и еще землей чуть-чуть придавило. Я представить просто не мог, как это так. Как она с другими. А я? Я, по-моему, и, правда, конченный придурок. Я вымолил у нее последнее свидание. И в японском ресторане, я делаю ей предложение, дарю кольцо, она его берет и знаками показывает мне выйти вместе с ней на улицу, я выхожу, а она со всего размаха выкидывает кольцо в сугроб. Забегает в ресторан, одевается, выходит и убегает прочь. Больше я ее ни разу не видел. Звонил бесчисленное число раз. Потом телефон этот отвечать перестал. Я тогда стал подкарауливать ее около подъезда. Безрезультатно. Тогда я узнал ее рабочий телефон. Позвонил. Она была удивлена и очень сильно разозлилась на меня, начала кричать. Я сказал, что надо поговорить, выяснить отношения, она ответила, что все уже давно выяснено, и она очень просит меня, даже умоляет, не звонить ей больше, что у нее есть парень и она любит его и счастлива с ним. Ту-ту-ту. Всё, поезд ушел. И задним ходом больше не вернется на эту станцию. А я все стою на ней и поезда пропускаю. Надо вскакивать в первый попавшийся – и вперед. Жизнь продолжается. Так я сказал себе. И не переживаю больше. Но иногда прихватит, особенно после виски, сию, плачу, плохо мне, Писеньку вспоминаю. Это от того, что у тебя секса с ней не было. Был бы секс, ты бы над этими воспоминаниями ржал бы сейчас, как конь.

Что это за голос? А, Пашка. Бутылку минеральной воды «Боржоми» протягивает, мол на, пей. Я выпил, вкуса не почувствовал, а Паша и говорит. Ты, друг, что-то часто от нас отставать начал. Смотри не отставай. Отстанешь – замерзнешь. Снег. Снег. Снег вокруг и с неба падает. Темнеет. А гору прожектора высветили. Петька с Иваном нетерпеливо вдали с ноги на ногу перетаптываются. Побежали мы с Пашкой их догонять. Постояли, выпили гранатового сока, дальше идем. Снег глаза слепит. Ветер с ног сдувает. Ноги вязнут. Все. Корни я пустил. Дерево. Ветки без листьев на ветру шумят. Холодно. Я – в полусне. Не сплю. Прислушиваюсь к вьюге. А мне и говорят: посмотри, вот природа. Приглядишься. И приглядываюсь. Стада бегут. Муравьи.

Насекомые. Негры танцуют рэп. Птицы летят. Рыбы плывут. И вся эта биомасса. Викинги. Металлисты. Она несется как река горная, сметая все на своем пути. Вглядись в нее. И я вгляделся. Это земля. Элемент земля. А теперь, говорят, смотри, это – бог. Или как там у вас называется. Я вгляделся. Увидел огонь. И понял. Элемент огонь. А теперь смотри ещё. Это ты, я внутри себя внимательно посмотрел. Увидел траву пожухлую, которую ветер гнет к земле. А, я – трава. Нет, я – ветер. Элемент воздух. А теперь смотри. Смотрю, бог и природа перетекают друг в друга, взаимодействуют. А я с кем взаимодействую. Вижу, бабы голые, големы, опять бабы, рожи, дьявол, рыцари, карлики, пенис, жаба, одежда, стог сена, квадрат, Малевич, и что? Мне говорят, что? Чередование форм. Элемент какой? Я говорю – вода. Это что? Процесс творения говорят. А что такое процесс творения? Выборочное наполнение содержанием бесконечного потока форм, говорят. А кто творит? Ты. А он? А он создает. Он – создатель Вселенной. А вы все творцы. Разницу чувствуешь? И что получается? Крест. С четырьмя сторонами. Огонь – бог. Земля – природа. Человек – воздух. Процесс творения – вода.

Дебилы, демоны чертовы – вон из моего мозга! Запутали. И музыка цирковая заиграла. Я выхожу на сцену. Во фраке. В штанах красных, с дирижерской палочкой. А на сцене джазовый оркестр. Три саксофониста. Трубач. Тромбонист. Контрабасист. Ударник. Пианист. Я взмахиваю палочкой, и музыка прекращается. Поехали. И зачем я нужен? Они без меня прекрасно справляются. Какая изумительная какофония! Всегда мечтал иметь отношение к такому удивительному безобразию. Что это? Телепатический джаз говорят. Божественно. Все вроде бы играют невраппад. Вразнобой. Но если вслушаться удивительная гармония есть в этой музыке. И понимаю, что есть еще женщина негритянка, которая находится за тысячи километров отсюда, возможно даже в Нью-Йорке, которая, улавливает эту музыку, слышит ее. И поет под нее. Божественно. Какой голос. Какое лицо, какая кожа, какая фигура. Влюбился. Как Вас зовут девушка – Донна Саммер. Она их ведет. Они – аккомпанируют ей. Удивительно. Слушал бы ее и слушал. Нет. Это я всех веду. Они меня слушают. Я – проводник Абсолюта, который через меня проявляет эту музыку. И который и есть единственный её автор. Как, впрочем, и всего остального.

Проснулся. Рот открыт. Горло все забито сухими комками. Иду в ванную, поласкаю рот, мою лицо теплой водой. Ну и ночка, что сегодня полнолуние, что ли? Сны снятся странные, страшные порой. А вообще. Что такое сон? И чем сон отличается от реальности? И можно ли во сне, например, с девушками небесной красоты знакомиться? Жениться на них? Трахать? Или, например, найти во сне огромный чемодан, набитый стодолларовыми купюрами и перенести их сюда, в явь? Круто бы было. В огромный чемодан, наверное, миллион долларов поместится. Или нет, лучше чемодан, набитый под завязку купюрами по пятьсот евро. Так больше. Во сне бредовые мысли. И здесь, тоже не менее бредовые. Всё, не усну больше. Пять утра. А спать надо. Завтра, ведь, ну самое позднее, в девять надо вставать. Потому что решили мы все в «Сандуны» сходить. Но «мы» ведь все богатые. А ты последние две тысячи пропьешь и дальше, где бабок возьмешь? Ну ладно. Займу где-нибудь. Ну, может, у мамы с папой. О, или у Пашки. Он олигарх. Не зря же он сегодня мне со своим братом Петей снится. Аргентина ещё эта. Аргентина мне точно займы не даст. Там, по-моему, постоянный государственный дефолт. Или это у Бразилии? Не помню. На улице безлюдно. Это понятно. Кто второго января в пять утра будет по улицам ходить? Не могу думать, устал. Вчера перепили. До сих пор не могу отойти. Настя моя еще скандал устроила. Не пей на посошок! А я все равно выпил с Сержем мартини из бутылки. Она уехала. Ну и бог с ней. Надоела. Так. Спать. Я, по-моему, под альбом группы Сап «Таго Маго» очень хорошо засыпаю. Редко, когда до середины второй стороны дослушивал. Сразу в крепкий сон проваливался.

Так вертушку включил, усилил. Идите сюда виниловые пластиночки мои. Это увлечение от моего брата по наследству мне досталось. Он мне свою коллекцию, пластинок так сто, оставил. С этого все и началось. Теперь я каждый месяц пластинки покупаю. И не абы

какие. А все прог-рок, психеделия шестидесятых, краут-рок. Так иди сюда, дорогая моя. Хорошая. Конвертик, теплый на ощупь. Вынимаю первую пластинку. Она у меня в целофанчике находится. Вынимаю. Священнодействие. Не дышу. Очень аккуратно пластинку вынимаю. Задержал дыхание. В руках. Дунул слегка. Сдул пылинки. Между ладонями сжал по краям. Тряхнул осторожненько. Края острые. Пластинка пахнет. Чем? Не задумывался. Винилом, наверное. Осторожно поставил на вертушку. Нажал на кнопку. Пластинка завертелась-закружилась. Аккуратно платочком специальным пыль оставшуюся стер. Подвел иголку к краю пластинки. Нажал на рычажок. Иголка с характерным звуком опустилась на пластинку. Оргазм. Заиграла музыка. Я – под одеяло. Глаза закрыл. Уши открыл. Музыка прекрасна. Жизнь прекрасна. Жить стоит.

Не стоит. Не стоит тебе отставать от нас. Петя говорит. Смотри, до вершины совсем чуть-чуть осталось. Ten minutes, fifty meters. Это Иван зачем-то по-английски заговорил. Петя, Паша, Иван дорогие мои. Я с вами. До конца. Я пойду. Я дойду. Я сваливать больше в явь и в другие сны и в явь других снов не буду. Пойдем, гора – это важно, вершина – это цель. А мы на ней для того, чтобы все поняли – гора существует, она есть. Ее можно руками потрогать, ногами на ней постоять. Вздохнуть полной грудью горный вершинный воздух, в котором мало кислорода. Ой, как мало кислорода. И надо потом вниз. Быстро вниз, чтобы не умереть, чтобы не потерять сознание. Не упасть. Не остаться навсегда на горе этой грозной и родной одновременно. Хотя, я думаю, не самая страшная смерть. Не самая. Идем. Холодно, дышать не могу, ноги отнимаются. Вдруг видим, дом. Иван говорит, что нам не стоит туда заходить. Он отвлекает. Отвлекает от цели. Так всегда, повторяет он. Что-то прекрасное всегда отвлекает от цели, обманывает. Притворно шепчет на ушко, что оно, это прекрасное, и есть цель. Иван, ты оказывается очень глубокий демон. Иван остановился. Посмотрел на меня глазами своими бездонными. Дискуссия нешуточная назревала. Но Петр и Павел уже в дом вошли. И Иван сказал. Ладно, потом поговорим. И побежал к дому, быстро зашел, а дверь открытой оставил. Я тоже зашел. И как-то сразу понял, что за стенами дома – лето. Жаркое тропическое лето. Или субтропическое. Где мы, в Африке, в Мексике или в Непале? Не знаю. Знаю только, что жарко за стенами дома, а в доме самом прохладно. Да и я одет уже по-летнему. В шортах, в футболке в сандалиях на босу ногу. Дом изнутри деревянный, без мебели, огромный, двух-этажный. Это все, что я могу о нем сказать. Во сне же всегда так. Вроде находишься где-то, а попроси тебя описать это где-то, тут затык и наступает, потому что размыто всё, нечетко и тебя ещё из одного места в другое постоянно перетягивает сила неведомая. Но в этом доме, я бывал раньше очень часто. Во сне, скорее всего. Все знакомо, все родное. За занавеской сидят люди какие-то смуглые, затаились. К моим шагам прислушиваются. Звон по всему дому распространяется. Бум. Бум. Бум. И звуки эти поднимают меня к потолку. Потолок деревянный. Я его рассмотреть внимательно могу. Каждую трещинку, каждый гвоздик, каждый заусенец, каждую пылинку-паутинку. Но не хочу. А хочу я понять, как же мне удастся летать, используя всего лишь звон тибетской поющей чаши? Ощущая вибрации продольные и поперечные, как? А вот если я в Москву вернусь, если проснусь, смогу так?

Сможешь ли ты в Москву вернуться, я бы лучше так поставил вопрос. Это голос из темноты до меня долетел. Я пошел на голос. Ты кто? Ответа нет. И никого нет. Я вышел на свет и увидел коридор, который заканчивается большой комнатой. Я посмотрел на белую дверь, на которой золотыми цифрами было обозначено 12. Двенадцать. Я начал всматриваться в эти цифры, пока они не стали четкими-четкими. Четкими. Вот единица. Золотая. Прямая. Все грани, протяженность, наполненность пространства изучил. Упала единица. Я взглядом ее обратно поднял. И осталась она на месте, на котором она и должна была всегда находиться уже без моей помощи. Двойка. Золотая. Обтекаемая. Граней нет одни скругления, сплошная недосказанность с полупонамеками. Изучил. Упасть ей уже не дал. Помог опыт с единицей. Двенадцать. Отошел. Я же ее рассматриваю, как в реальной жизни. Удерживаю, сосредотачиваю

внимание. И поток сна не сбивает меня с ног. Я контролирую сновидение. Стоп. Я сплю? Я сплю. Опять звон, но это уже не тибетские чаши. Это внутри меня. И снаружи меня. И я уши ощущаю, и я тело ощущаю. И ноги увидел. И руки увидел и туловище. Я. Я? Я-я. Да-да. В зеркало бы посмотреться. Где-то я его видел. Иду, заново учусь ходить. Так и тянет свалиться, носом в ковер ткнуться. Иду, как ванька-встанька качаюсь из стороны в сторону. Звон усиливается. Зато все вокруг приобрело сверхчеткость, гиперреализм. Мама, Что со мной? У меня опыта такого никогда не было. Дошел до комнаты. Пол зеленый. Глаза голубые. Так, что это за глаза? Нарисованы на стене. Смотрят на меня. Как же хорошо, как же жарко от взгляда этого прекрасного нестерпимых глаз. Женских? Женских. У возлюбленной моей должны быть такие глаза. Иду дальше там люди такие же, так же ходят, покачиваясь из стороны в сторону. Как будто приклеены к полу и движет их лента невидимая. Как на эскалаторе. Около выхода стоит куб деревянный. На кубе том бриллиант, что же ещё? Что же еще может так светиться? Глаза режет. Мне показалось, что режет. Подойти поближе не могу. Страх. Силу воли в кулак. Вперед! Вперед! Смотрю на него уже с близкого расстояния. Не могу удержать взгляд сфокусированным. Расплывается картинка, тело исчезает, стены стираются как ластиком, пол уходит из-под ног. Вихрь затягивает меня. Страшно! Смерть! Смерть? Нет, это – пробуждение.

Страшно. Вот так во сне помрешь от переживаний этих, от секса виртуального или нападет на тебе демон какой-нибудь и заберет душу. Включай мозг. Вот реальность. Пластинка доиграла уже давно. Надо ее на вторую сторону перевернуть. Вот стул – на нем сидят. Вот стол. На нем трахают женщин. Иногда. Не часто. Сейчас там стоит бутылка текилы. И всё. По комнате разбросаны вещи. Ну и что, что евроремонт? Евроремонт еще не гарантия того, что в квартире бардака не будет. Шесть утра. Всё. Спать больше не лягу. Сейчас поставлю «Tortoise» и буду под него читать Липскерова. Нет. Лучше я поставлю вторую сторону «Tago Mago» и буду читать «Уллиса». Шмулиса. Бурбулиса. Что такое надо было курить, чтобы писать такое... Это даже не чушь. Это – запердельный кирдык. Как говаривал мой друг Паша-олигарх. Всё равно люблю эту книгу. Подхожу к проигрывателю пластинок, переворачиваю на вторую сторону «Тахо Махо» и вот. Идиотизм буквенный сейчас соединится со звуковым. И я посредине. Ни ума, ни фантазии. Зато приемник идеальный. Своих мыслей – ноль, пустой я стаканчик, ничего-то я не знаю. Как Сократ в предвкушении выпивки. Попробую сначала. Опять сначала. Нет, лучше открою любую страницу наугад. Букв не вижу, темно, свет лень включать, очки лень надевать. Буду в игру играть. Холгер Чукай, ты зачем такую музыку играл? Ты что ел, пил, курил? Но в такт попадаешь, с Джаки Либезитом вы, пожалуй, лучшая ритм-секция на планете. Игра. Открываю случайно любую страницу, лицо свое в книгу. Вижу фигу. Нет, не фигу, а слово. Какое слово? Так глаза подальше от листа, а то буквы сливаются. Сливаются. Сливаются. «Смерть». Нормально? Чего на восьмистах с лишним страниц я, что ли, другого слова найти не мог? Еще раз. Это не считается. Любая страница. Нос уткнулся в страницу. Глаза видят пятна. Начинаю медленно книгу от лица удалять. Слово. Слово. «Любовь». Вот гораздо лучше. Настроение. Ура. Ура. Я в цирк... Текилка коллекционная иди сюда. Глотаю кактусовое вкуснятино. Любовь. Кровь. Нахрен кровь. Просто любовь. Прекрасная незнакомка. Сударыня Вас как зовут? Вы не можете оторвать от меня глаз. Я тоже. Вы хотите меня? Я покрываюсь багровыми пятнами. Я смущен. О боже. Принцесса захлопнула крышку клавиатура... Облом. Ладно. Любовь. «Тага Мага». Вуллис. В голове Вивальди заиграл. Незачем было пить столько на Новый год. Теперь отходняк. Сударь, Вы же интеллигентный человек. Не пьющий, некурящий, не употребляющий. Голландия не в счет. Тогда был несчастный случай. Там на каждом углу просто... Хор пионеров в стерео... Женщины, летающие на метлах. Потом все стали прозрачными. Но это уже после виски, готовых роллов (prepare rolls please, two please), кексов, после которых хочется бросить всё и залезть под стол. «Познакомьтесь, это мои русские друзья, они празднуют свой день рождения уже третий день». Амстердам – черный город несуществующих

каналов. Каналов черных несуществующего Амстердама. Вот – я заглотнул червячка, и крючок мне губу распорол. Как больно. Кто же меня вытягивает из родного пруда. Петя. Сука!!!

Пашка! Орёт он. Иван! Идите сюда. Я его вернул. Я стою и вижу, что до вершины горы – всего ничего. Предчувствие рассвета. Предчувствие победы. Гора. Гора. Как же ты все же называешься. А то в газете напишут. Вот наши герои. Они покорили какую-то безымянную гору, по слухам самый настоящий семитысячник. Несolidно. Как зовут героев? Мы не помним. Смущенно глядя в пол, отвечают журналисты, но в следующем номере нашего журнала, мы расскажем, мы обязательно расскажем. Паша. Петя. Даже Иван, совершенно мне не знакомый, и почти наверняка являющийся каким-нибудь астральным демоном, подойдите ко мне, давайте я вас обниму. Подошли. Дали. Иван беспокойно сказал: поторопимся. Не уверен, просто, что первые лучи солнца на всех положительно подействуют. Намекает, нечисть. Мы поползли вверх и каждый связан друг с другом веревочкой, а на ней разноцветные флажки с надписями. Прочитать что ли одну. «Сынок, срочно вернись в реальность, я кое-что забыл сказать тебе. Джойс». Позднйак. Джеймс. Не хочу портить всем праздник. Ведь впереди бьет копытами Иван. Я привязан к нему разноцветными веревочками, которые, похоже, являются шифровками какими-то. А ко мне привязан тем же самым за то же самое Паша. А за Пашу – Петя. И если внезапно выпаду из контекста, то... Петя и Паша потеряли свои очки. А я пою песню оперным голосом. И настолько прекрасна эта моя итальянская ария. Насколько прекрасна, что даже горы затихли, снег прекратил идти. У Ивана крылья выросли. Белые-белые. Он ими машет – помогает нам всем быстрее до вершины горы добраться. Проводник-инструктор-гид понимаешь. Тихо, тихо. Иван на вершине горы. Меня тянет, я тяну Пашу, Паша тянет Петю. Вытянули репку? Мы на вершине? И тут прожекторы, которые нам всю дорогу мешали, выключили как по команде. Я даже подозреваю, кто эту команду дал – рукой махнул. Иван. Выколите мне глаза! Будет тогда чем заняться. Ничего не вижу. Так не бывает. Я один? Ребята. Шепотом. Кричать нельзя. Можно спровоцировать сход лавины. Вон там. Узенькая полоска зари. Осмотрелись. Темновато, но терпимо. Мы на вершине. Под нами облака. И из-за облаков сейчас должно появиться солнце. Самый яркий момент в нашей жизни. Да? Рядом не Петя. И не Павлик. Иван. И еще два мужика каких-то. Испортить мне хотят праздник. Не выйдет. Солнце выйди, и спали их своим всеочищающим огнем. Ты можешь. Я знаю. Солнце. Джойс. Таго Маго. Моя квартирка в Москве. Сон этот. Солнце не из сна. Солнце непобедимое встает из небытия для того лишь, чтобы проявить новый мир. Предчувствие Любви. И смерти? Нет, только любви. Всепобеждающей. Жду. Первый лучик. Какого же ты будешь цвета? Ну. Не подведи. Зеленый. А-а-а! Не подвело солнышко. Цвет любви, цвет жизни, цвет надежды. Время замерло. Нет времени. Нет пространства. Здесь и сейчас. Сейчас и здесь. Сейчас. Сейчас. Остановись. Да. Медленно и величественно выползаешь из своего логова. Освобождаешься от пут сна. Путь сна. Путь жизни. Не остановить. Света все больше. Свет все ярче. Рядом никого. Горы показались из темноты. Нечем дышать. Хочется пить. Площадка, на которой стою, осветилась. Камень позади меня, но сесть не могу, потому что заморозил меня восход солнца. Наполовину диск солнца показался. Хочется улечься, хочется начать смотреть мультики, которые до этого показывали. Но нельзя – смотри – учитель стоящий надо мной и стегающий меня по плечу плеткой – я сам. Смотри – вот она реальность. И ничего больше нет, только ты и солнце, ты и горы, ты и вселенная. Ты и бог? Ты и ты? Ты – это я. Я – это ты. Солнце полностью показалось. Полностью показало свой яркий бок, мне и только мне показало. Не смей спать. Но хочется, но, я же во сне. Дорогой, ты всю жизнь как во сне. Мамин голос. Мамин голос? Повернуть голову, осмотреться. Но не могу. Что это? Солнце взорвалось, и всё заполнилось ярким белым светом.

Снова проснулся от снов. Но где? Не в своей кровати в Москве, это точно. Помещение грязное серое какое-то. В помещении ничего, кроме рядов красных пластмассовых кресел, нет. В противоположном конце зала сидит женщина в ярко-красно-желтом горнолыжном костюме. И всё. Я тоже в горнолыжном костюме сине-зеленом только. На голове шапка, не знаю, какого

цвета. Ботинки с мехом снаружи и изнутри. Перчатки синие лежат рядом, сумка модная. Здесь туалет хотя бы есть? Ущипнуть себя надо. Ущипнул. Просыпайся, давай. Ты не можешь в реальности здесь находиться. Потому что не можешь. Потому что жизнь – это не джазовая импровизация. Я все очень хорошо помню. И сон мой дурацкий, и пробуждения каждый час, и, даже, Таго Маго и Джойса. Текила. Не могла так подействовать, я выпил грамм пятьдесят. И до этого... Что за чушь. Этого не может быть. Я хочу проснуться. Надо крикнуть во весь голос во сне. Так, по-моему, было у Кастанеды. Сейчас встану и крикну. Женщина обернулась и посмотрела мне прямо в глаза. Глаза голубые. Светло-оливковые. Ярко-светло зеленые. В том смысле, что излучают свет. И еще что-то. В помещение вбежала девчонка молодая с характерной еврейской внешностью. Господин Лавочник. От входа кричать начала. Я встал. Она подбежала. Отдышалась. Говорит. Господин Лавочник. Всё. Самолет подали. Можно лететь. Я, во-первых, не Лавочник. Я – Печник. С ударением на первый слог. Самуил Печник. А во-вторых, какой самолет? Вы о чем? Ой, простите, господин Печник, просто у меня предыдущий клиент был господин Лавочник. А этот джетлэг. Я засыпаю практически на ходу. Сейчас пойду, предупрежу мисс Шарон. Вы так, кажется, и не помирились? И побежала. Я кричу. Стой! Иди сюда! Она вернулась. Подожди милая. Тебя как зовут? Таня. Таня, расскажи, что происходит. Причем все подробно. Где мы? Кто та женщина? Зачем и куда мы летим? И самое главное срочно назови точную дату: год, месяц и число. Второе января две тысячи седьмого года. Автоматически сказала она и попятилась. Видели бы вы её глаза. Глаза, как у той собаки из сказки, как чайные блюдца. Не бойся милая. Чего это я заладил милая, милая. Раньше за мной этого не замечалось. Не бойся. У меня так бывает. При переутомлении. Когда много перелетов. Я все забываю. Забываю, понимаешь? Это не опасно. Самое главное мы выяснили. Дату. И еще я помню, как меня зовут. Мне кажется, Таня сейчас потеряет сознание. Тихо. Тихо. Я взял ее за руку очень плавно и очень осторожно. Таня сейчас самое главное сохранять холоднокровие. Понимаешь? Присядь, я усадил ее достал из сумки закрытую бутылку минеральной воды «Перье» и протянул ей. Она отрицательно покачала головой. Мы с Вами полчаса назад очень подробно всё обсуждали, поездку, доплату. Вы другой были. Сейчас Вас как будто подменили. Страшно. Можно я всё-таки позову мисс Шарон? Не надо. Она ещё больше расстроится, если узнает, что у меня это опять началось. Давай так. Ты мне все сейчас подробно опять все рассказываешь. С самого начала. Я задаю уточняющие вопросы. И мы забываем об этом инциденте. Идёт? Это не инцидент, говорит она, вы глаза просто свои сейчас не видите. Не вижу, это точно. Но мне папа всегда говорил. Досчитай до тридцати. Потом говори и делай что хочешь. Двадцать — тридцать. Слушай Тань, а у тебя курить есть? Есть. Давай покурим. Тонкие? Давай. Я сел. Затянулся ментоловой кислятиной. Тань, просто повтори, что мы с тобой полчаса назад обсуждали. Всё подробно, а хочешь, бумаги принеси, договора там, маршрутные листы или что еще у тебя имеется. Это в конторе. Отвечает она. И опять уходит в себя. Я курю. А сам понимаю. Но не может такого быть. Еще раз себе сказал. Не может. Сон. Гора. Три или четыре пробуждения в Москве. И через час я не мог оказаться здесь. Интересно. Где здесь? Тань, а мы сейчас, ну, где находимся? И улыбаюсь самой обворожительной улыбкой. Таня щелчком запустила сигарету куда-то далеко. Посмотрела на меня. Улыбнулась. Начала потихонечку принимать правила игры. В Аргентине. Где? В Аргентине. Кто? Кто? Кто? Кто? Кто? Кошка. Кошка. Кошка. Кошка. Кошка. А, я так и думал. А куда летим? В Антарктиду. Да! Всегда мечтал. Улыбаемся мы с ней самыми идиотскими улыбками. Я, правда, всегда мечтал попасть в Антарктиду. А? А эта женщина – Ваша жена. Мисс Летиция Шарон. Почему мисс? Не знаю, вы ее так всегда называете. Мне кажется, Вам стоит с ней сейчас поговорить. Но поторопитесь, вылет через десять минут. Встала и вышла из этого... Аэропорта, наверное.

Летиция Шарон стояла и смотрела на меня. Что бы я сейчас не думал, но, по-видимому, мой единственный маяк и ответ на все вопросы – это ты. Я пошел к ней очень неуверенной походкой. Я боюсь женщин. Нет вернее так, я боюсь их полюбить. Так вернее. Блондинка. Глаза

как уже говорил, зеленые или... Волосы светлые. Губы чувственные. Нет. Не то говорю. Я знаю её. Я видел её. Во сне. Не помню где. Я рядом с ней. Лицо мое покраснело. Губы трясутся. Сердце стучит в ритме габбы. Летиция, я люблю тебя. Печник, ты думаешь, что после того... что ты мне наговорил... Так просто... Да? В глазах слезы. Я встал на колени. Любимая, я не помню, что я тебе наговорил. Видишь ли... Мы... Мы... с тобой раньше не встречались. Я... Я... увидел тебя... Вас... И... И... Сразу влюбился. Нет, что я говорю. Опять эти банальности. Я родился только сейчас. У меня другая жизнь была до этого мига. Но она ничего не значит... Это подарок бога. Я просил именно тебя. Понимаешь? Я всегда знал, что это будешь именно ты. Я обнял её. Слова были бессмысленны. Я рыдал. Она обняла меня. За голову. Положила свою щеку мне на макушку. Слезы ручьем текли из её глаз. Ты сумасшедший. Я знаешь за что люблю тебя? Я поднял голову, смотрел в её зеленовато-голубые в крапинку. Правда в крапинку. Глаза. Она улыбалась. Ты еб. нутый. На всю голову. Я таких... Таких просто не бывает, мне хорошо с тобой... Она поцеловала меня. Что значит для меня поцелуй этих губ. Молоко матери? Или сок, который подают в райских куцах эти девственницы. Или вся Вселенная в этом поцелуе. Все галактики, Млечный путь. Да, поцелуй ее – это Млечный путь. Который заведет меня непонятно куда. К Большому взрыву к Черным дырам. К Телам и Антителам. К Солнечному Ветру и... Боже. Рука. Ее рука там, где нельзя. Мама говорила, что туда нельзя, а я всегда руки тянул туда. Поцелуй. Язычок. Дыхание перехватило, и тогда я тоже руку сквозь горнолыжный костюм туда, куда нельзя, туда где зарождается новая жизнь. Моя жизнь. Всё хватит. Полетели в Антарктиду. Я хочу тебя прямо сейчас. Нельзя, дурачок, нас люди ждут, пилоты. В самолете сделаем это. Нет! Всё! Тебя за стол, ты ноги на стол. Оттолкнула. Оправилась. Укусила меня за ухо больно и побежала к выходу. Я ринулся за ней.

Мы выбежали почти вместе. Я увидел самолет, первое, что я увидел. Взлетную полосу. Самолет гудел. Или. Я смотрю на тебя. Ты любишь меня? Всё, что есть у меня это – ты. Ты. Поцелуй. Мы, взявшись за руки, идем к трапу. Тани нигде нет. Никого нигде нет. Послушай, тебе не кажется странным? Что? Вокруг не души. Я не удивлюсь, если окажется, что и пилотов нет. Но, мы же есть. Ты – есть. Я – есть. Мы – есть. Мы по трапу поднимаемся в салон самолета. Вот смотри – кресла. Салончик маленький. Для небольшого количества пассажиров. Вон смотри – пилот. Он машет нам рукой. Что-то говорит по-испански. Видишь? А ты боялся. Говорил, вокруг никого нет. Вон ещё. Буэнос Диас. Я не понимаю, что он говорит. Он прикрывает дверь. Посмотри в иллюминатор. Они убирают трап. Это не сон. Это не сон. Я вижу, милая, родная. Даже если это сон. Я только что повстречал самую восхитительную, самую любимую. Хочешь, я сделаю тебе массаж стоп? Дай я сниму с тебя твои неуклюжие ботинки и сделаю тебе восхитительный массаж твоим нежным, прекрасным, маленьким ножкам. Прекрати. Ну же, прекрати. Хватит. Сёмка. Класс. Самолет начал вибрировать. Двигатель заработал на полную мощность. Лопасты крутились, как электрон вокруг протона. Лопасты винта слились в круг. Невозможно определить, где эти электроны-лопасти в данную секунду. И не надо. Это красиво. Самолет начал свое движение. Я быстро закрыл дверь, ведущую в кабину пилота. Во время взлёта он вряд ли зайдет к нам, да и второй пилот, если он вдруг тоже существует в природе, во время взлёта... Я хочу слиться с тобой, я хочу стать тобой. Я... Я... Нежно обнял тебя. Поцелуй. Еще. Ты не сопротивляешься. Мы создаем новое время новое пространство новые ощущения прикосновения поглаживания шепот стон вкус слюна язык движения похоть стон рык крик темп глаза ухо рот нос глаза волосы безумие сумасшествие срыв дыхание сердце выскочит сейчас сердце выскочит сейчас все выскочит как зудит как приятно как хорошо зуд вибрация трение температура пар. А-А-А-А-А! Мы кончили одновременно. Самолет взлетел и медленно набирает высоту.

Лисиция, а зачем мы летим в Антарктиду? Нет, я понимаю, зачем я. А зачем летишь ты? А я вовсе не уверена, что мы летим в Антарктиду. Как так? Ты, что ли, тоже ничего не помнишь, как и я? Я всё помню. Но ты затеял эту глупую игру. Завязывать мне глаза. Платочками.

Затыкать мне уши. Наушниками. Игра-загадка-жизнь. Мы так уже два месяца путешествуем. Я в себя прихожу только перед пограничниками на паспортном контроле. Ты всё сделал здорово. Если первый месяц я еще понимала, где нахожусь, в каком месте, то сейчас я просто потерялась. И, знаешь, я вовсе не удивлена, что мы летим в Антарктиду. Ты оделась. Спрячь, пожалуйста, я все-таки девушка порядочная, а не какая-нибудь там. Слушай здесь интересно покурить можно? Можно, тебе все можно. Я так люблю смотреть, как ты куришь. Я даже люблю, как от тебя пахнет табаком, хотя у меня аллергия на табак. Ко мне никто еще так не относился. Слушай, мне неудобно спрашивать, а откуда у меня столько бабок, чтобы два месяца по миру ездить, посетить... Мы ведь много стран посетили? Не знаю, но жили мы только в пятизвездочных отелях. У меня нюх на пятизвездочные отели. Так ты не знаешь, откуда у меня деньги? Знаю, ты говорил. Ты, то ли яндекс, то ли гугл, то ли твиттер придумал. Думаю, врешь, конечно. Нет, Гугл я придумать не мог. Я философ по образованию. Философ. Философ. А как ты себе философ объясняешь все эти метаморфозы? Сон, а теперь вот это. Летиция. Шарон. Это её настоящее имя. Я, правда, всегда мечтал о такой женщине. Именно о такой. Именно её в пятнадцатилетнем возрасте я увидел в модном журнале «Неккерман» семьдесят пятого года издания. Именно она. Вот такая. Блондинка. С голубыми бездонными глазами. Ногами от ушей. Третьим размером груди. И обязательно умная. Едкая. Стервозная. Так я представлял себе, замусоливая журнал и онанируя, пока дома никого не было. Я знаю каждый изгиб её тела. Каждую гримаску. Было время, я засыпал с её именем на устах. Знаете, как я тогда ее назвал? Да. Героиня обязательно должна иметь имя. Да. Вы угадали – Летиция Шарон. И вот сейчас, несколько минут назад полностью выдуманный мной в отрочестве персонаж занимался со мной сексом в самолете, который летит в Антарктиду. Браво, Сама. Муил. Мудил. Мудвил. Может я в коме? О чем ты думаешь? Ты не со мной? Ты меня разлюбил? И поцелуй, поцелуй, поцелуй. Бог мой Яхве, как мне нравятся её поцелуи. Никто так больше не может целовать. Когда ты уходишь от меня в свои мечталки, мне так грустно становится, так одиноко. Не блосай меня. Холосо? Шепелявит. Как маленький ребенок. Сейчас заплачу. Обнимаю тебя. Летка, Летка, сладкая конфетка. Райское ощущение – прижимать тебя к себе. Как мне нравится, что у тебя светлые светлые мягкие мягкие волосы. Глаза как у младенчика, голубенькие синенькие зелененькие серенькие в крапинку. Я обожаю тебя, мой мальчик. И у тебя слезки в глазах. Мы сейчас как две подружки нежничаем, секретничаем. Давай я тебе засуну пальчик в попку? Блин, Летка. Пошла ты... Со своими глупостями. Отстань. Дай покурить. Выпьем? Не хочу сейчас думать. Если сейчас начну думать, сойду с ума. Ну, вот, сумки какие-то. Там должно быть. Смотри. Чивас. Как на заказ. Оп. На. Пей. Кисло. Горько. Обжигает. Буду все равно пить, пока не напьюсь. Я тоже. Я так счастлива. Я, когда тебя первый раз увидела, ты мне жутко не понравился. А когда ты меня первый раз увидела? Во сне. Так у девушек бывает всегда. Они женихов всегда во сне видят. Ну и как. Кхе. Кхе. Надо закусывать. Или запивать. А то обратно все назад полезет. Я увидела тебя... Ну, мне сон снился, как будто я картинка в журнале. А ты на меня смотришь. Молодой такой, прыщавый и дрочишь. Кха. Кха. Постучи по спине. Летка. Вздохнуть не могу. Виски не в то горло попало. А-а-а! Мне кажется я чуть не сдох. Уф. Самуил Печник. Не смотрите на меня так. Я пошутила. Я все же молодая писательница. Меня скоро издадут. Я должна периодически тренироваться в таких фантазиях. Ха-Ха-Ха. Стерва. Я – сука. Я же тебе говорила. И я всегда такой буду. Если я изменюсь и стану доброй домохозяйкой. Ты меня бдосишь. И будешь тдахать мододеньких секдетарш. Хватит коверкать слова. Ну, выпей, родной. Напейся. Я не буду ругаться. Я не хочу. Не могу. Мне тревожно. Страшно. Жутко. Что-то жуткое произошло. А я не понимаю что. Ничего. Ничего не произошло. Я люблю тебя. Я здесь. Я – существую. Не сомневайся. Я не сомневаюсь. Вижу, что сомневаешься, по глазам вижу. У тебя глазенки такие испуганные-испуганные, как будто на тебя отряд зомби вышел. Слушай, можно я немного посплю? Немного совсем чуть-чуть. Ладно? Спи. Спи. Только давай сначала на облака посмотрим. Давай. Кучевые. Землю

не видно. Думаешь, Земля есть? А вдруг там под облаками ничего нет? Совсем ничего? Совсем ничего. А что это – ничего? Ну, мы же не видим – ничего скрыто от нас облаками. Поэтому сказать об этом ничего, мы ничего не можем. Мы засмеялись с ней громко, почти истерично. Сеня, мы с тобой такие придурки. Да. Это же прекрасно. Это замечательно восхитительно. Да, восхитительней только секс. Ты намекаешь, но я хотел поспать. После этого будешь спать как убитый. Могут пилоты войти. Да, но они могут к нам присоединиться. Сучка. Задушу. Задуши. Я жду. Это так эротично умереть от удушья. Я верю в то, что в момент смерти испытываешь сильнейший оргазм. Я слышала, что когда мужчин вешают, они кончают. А женщины, ты не знаешь, что происходит у женщин? Они писаются. Фу, как пошло. Поцелуй меня. Меня... меня...меня... меня... меня... Ня... Ня... Ня... Ня... Ня... И так три минуты. Думаете я засекаю время? Нет. Я точно знаю, что прошло три минуты. Сама, ты опять уходишь в себя. Спи. Я сама одену тебе трусы. Я буду курить, пить виски и смотреть в окно. Кури, пей виски, укрывай меня пледом, целуй на прощание. Почему на прощание? Я думаю, что я сейчас все-таки проснусь и буду всю свою жизнь жалеть о том, что я не остался в этом прекрасном сне. Но надо все же возвращаться в свою нормальную жизнь, мы завтра собрались в «Сандуны». Надо бабок где-то найти основателю Твиттера. А с другой стороны. Здесь у меня деньги. Любимая женщина. Да, я в нее влюбился! Сейчас уже окончательно и бесповоротно. Но есть в этом мире одна неприятная вещь – неизвестность. Деньги могут, как пришли, так и уйти. И Летиция может опять вернуться на страницы своего модного журнала. А там – реальность, там – мама. Там – друзья. Какой-никакой бизнесок. Родственники всегда помогут. Но даже если я совсем работать не буду, можно сдать внаем бабушкину квартиру на Тверской и жить припеваючи. А здесь? Может я наврал про Гугл. Может я банк здесь, в этом мире, ограбил и еще пяток охранников убил. И ждет меня, дожидается электрический стул, веревка или пуля. Надо мне на себя посмотреть. Летка, дай зеркало. Что? Она поставила стакан на пол. Зачем? Прыщик, я думаю, под глазом вскочил. У меня нет зеркальца. Я не вожу с собой. Сходи в туалет. Там наверняка есть. Взяла стакан, поставила на подставку, укуталась пледом. Из окон падал яркий свет. Я пошел в хвост самолета, в туалет. Открыл дверь. Есть зеркало. Взглянул с опаской. Да нет – вроде я. Мордашка известная мне с детских лет, только видоизменившаяся с годами. Последний раз я себя в зеркало видел тридцать первого декабря. С тех пор только щетина отросла. Решено. Засыпаю. Настраиваюсь. И просыпаюсь опять у себя в кровати. Один. Ставлю третью сторону Таго Маго. Поцеловал страстно Летку в щеку. Обнял крепко-крепко. Попрощался. Подлец я. Бросаю девушку по-английски. Она не знает, что это прощальные объятия. Прижалась доверчиво, потерлась об меня щекой. Самка, ты что плачешь? Ты такой сентиментальный. Поспи. Сел. Откинул кресло. Закрыв глаза. Засыпаю. Засыпаю я быстро. Снится мне сон. Будто я проснулся опять у себя в квартире, да, да, той самой. Поставил третью сторону Таго Маго. Но заиграло не «Таго Маго», а запела, закрутилась, завертелась совсем другая песня. Что это за песня? До боли знакомая, с самого детства известная. Что с памятью моей стало? Ба. Да это же Donna Summer – I feel love. Вот это сюрприз. Вот это неожиданность. Настроение ого, как улучшилось! Пустился, можно сказать в пляс. Стал искать Джойса. Где же ты, где? Такая здоровенная книжка и пропала. «Уллис», «Уллис», шары сдулись. Вижу в дальнем углу какое-то шевеление толстое. Вы кто? А это Паша и Петя, собственной персоной стоят не шелохнувшись. И на одном футболка белая-белая с красной надписью – «ЛЮБОВЬ», а на другом черная, но также с красной надписью – «LOVE». Вы манекены что ли? Звуки безалкогольной кокаиновой электронной психеделии от Джорджии Мородера еще в мозг забираться стали. Настоячиво так. Задолбали. Где текила? Текилы нет. Страшно, сил нет. Что происходит? Что происходит с моей жизнью. Где сон? Где явь? Самое обидное, что я почти не пью и никаких веществ не употребляю. А в роду у нас психов отродясь не было. Я сплю? Я сплю. И я всю жизнь, что ли, спал? Мама права была, когда мне это говорила? Что делать? Что делать? Мать вашу... Стоите, как будто вам на кнопку «Выкл.» нажали,

как манекены. Спокойно. Выпить нечего. На помощь звать бессмысленно. Может Богу помолиться? Единственное, что остается. Хотя, я не очень чтобы верю. Но выхода у меня, Господи, нет. Сейчас только на тебя надежда. Помоги, прошу. Первый раз в жизни. Максимум третий. К Тебе взываю. На Тебя уповаю. Иже еси. На колени встал. Лбом в пол уперся. Лежу. Может это не сон? Может придурки эти манекены свои занесли в мою квартиру пока я спал? И «Улисса» украли. И текилу выпили. Кто бы сомневался. Зачем я живу? Кто я? Откуда пришел? Куда иду? Помоги! Сука! Ну, помоги, пожалуйста. Я же не виноват, что меня безбожником воспитали. Должен же Ты иметь хоть какое-нибудь сострадание! Я же вообще ничего не понимаю. Я живу как на автомате. Убери меня. Ничего не изменится. А кого это кстати меня? Кто я? Кто ты? Запутался. Похоже, нет тебя, старичок. Был бы ты, совсем здесь другой коленкор закручивался. Любишь ты всех. И поэтому всех с такой извращенной и нечеловеческой жестокостью на тот свет отправляешь. Нет, бывают исключения. Дедушка мой во сне умер. А зачем он жил? А что у меня есть? Мама. Набрать ей во сне! Бредовая идея! Мобильник! Мама! Да, Самуил! Ты что так рано? Что-нибудь случилось? Да, случилось! Я перестал понимать, где сон, а где явь? Это не новость. Для меня, по крайней мере. Это у тебя с детства. Что мне делать? Как говорят мудрые евреи, если не знаешь, что делать – иди спать. Иди спать, мой птенчик. Мама любит тебя. Все будет хорошо. Хочешь, я приеду? Нет, мама. Ты знаешь, хм, я и вправду пойду спать. Спокойного утра, мама! Доброго утра, Сама! Мама, мама, если я сейчас пойду спать, угадай, где я проснусь. В самолете, рядом с Летицией. Лети, лети летчик. Лети, лети самолетик. Лети, лети я. Лети! Дай мне попить что-нибудь. Открой ротик, родной мой, сладкий мальчик. А! Виски с колой. Эликсир жизни. Летка. Давай я для тебя подвиг совершу? Какой? Спасу тебя из рук разъяренных арабов. Это долго. Это надо в Афганистан лететь. Тебе это надо? Нет. Я люблю тебя просто. Хочу заботиться о тебе. Дрова что ли везете? Эй амиги? Что происходит? Самолет затрясся, завибрировал очень нехорошо. Двигатели загудели. Очень нехорошо. Самолет снижаться начал. Очень-очень нехорошо. У меня сердце упало в желудок, даже ниже. А ты спокойная. Закрывает глаза, виски пьешь. Потянулась за сигаретой. Имею же я право зайти в кабину к пилотам? Спросить как дела. How do you do? Английский все пилоты знают. Иначе как бы они с диспетчерами разговаривали? Английский – язык международного общения. Да. Я знаю пару слов. Даже тройку. Я боюсь открыть дверь. Боюсь увидеть там что-то страшное. Летка! Я боюсь открыть дверь! Боюсь увидеть там что-то страшное! Не бойся. Я с тобой. Мысленно вместе. Я засыпаю. Не могу держаться. Давай, я теперь немного посплю. А ты порули реальностью. Рулю. Рулю. Открыл дверь. А самолетом никто не рулит. В кабине никого нет. Опять проблема. Может воспользоваться старым маминым советом и пойти спать? Внутренний голос мне говорит, что сейчас самое неподходящее время воспользоваться этим советом. А другой внутренний голос говорит, что самое время. Самолет разобьется. Ты умрешь во сне, как твой дедушка. Но попробуй спасти ситуацию. Я не могу. Не хочу. Я никого не люблю. Я хочу умереть. Я запутался, устал, зае. ался, разуверился, не понимаю в чем смысл жизни. Смерть – самый лучший выход. Но, ты стоишь за моей спиной... Сёмка, где пилоты? Не знаю. Но они не могли выпрыгнуть? Не могли. Здесь только один выход. Что происходит? Ты знаешь, я не понимаю. Я жил размеренной, непрерывной, понятной жизнью. Всё у меня было. Правда и проблемы тоже были. Следовательно... Но до суда дело не дошло бы. Мы денег дали. У дяди двое знакомых – федеральные судьи. У меня ТАМ, всё схвачено. А здесь у меня только ты и самолет-беспилотник. И до смерти... За что мне это? Когда я перестал управлять своей жизнью? Ты никогда не управлял своей жизнью. Это иллюзия. А что делать? Я буду спокойно допивать виски. А ты попробуй посадить самолет. Ты же мужчина? И пошла, и спокойно села в кресло, демонстративно взяла стакан с виски, закурила, стряхнула пепел на пол, и смотрит на меня своим фирменным сучим взглядом. Ты что не понимаешь, что самолет сейчас разобьется и всё? Дальше ничего не будет. Ты с ума сошла? Ты не понимаешь? Что ли ничего? Ну вот, я плачу. У меня в горле ком. В груди жжет. Слезы ручьем. Мне себя жалко. Мне себя так

жалко. Эх, Семка, Семка! Ты-то хоть, как мужчина кончишь во время смерти. А я обоссусь. Тебе меня не жалко? Может вместо того, чтобы плакать, попробуешь вырулить? Вон штурвал. Попробуй связаться с диспетчером. Делай что-нибудь. И смотрит на меня, как на раба. Хозяйка. И так ведь всю жизнь дальше будет. Вхожу в кабину. Сажусь, вижу небо и землю. Всё белое. И страх прошел. Когда за штурвал держишься, страх пропадает. Появляется уверенность, что рулишь. Я всегда хотел порулить. Машиной, яхтой, самолетом. Штурвал осторожно на себя. Должен перестать падать. Штурвал до упора на себя. Ничего не происходит. Штурвал направо. Нет контакта. Штурвал налево. Летка штурвал не работает! Кнопочки понажимай. Может штурвал отключили. И сидит, не встает, вот у человека железные нервы. Самолет снижается, я это чувствую. Да и чувствовать не надо. Земля приближается, хоть и не так быстро. А ладно. Кнопку нажал, рычажок. Надписи какие-то. Но я ни по-английски, ни по-испански. Все рычажки и кнопки истерично нажал, ничего не происходит. Лет, нам сломанный самолет подсунули. Мы сейчас разобьемся. Я подсел к тебе, хотел обнять на прощание. Любимый, сделай так, чтобы мы пожили еще чуть-чуть. Сделай так, чтобы мы не разбились. Как? Я не знаю. Сделай. Ты можешь. Я верю в тебя. Нет, я знаю. Я чувствую. Не плачь милая, я люблю тебя. И от любви моей, я намерение имею прекратить этот падающий бардак. Так, встал, попрыгал. Прыгаю мощно вверх-вперед-вниз. Руками достаю до потолка. Встал на руки. Походил немножко. Ты удивленно и восхищенно провожаешь меня взглядом. Я люблю тебя, я понял, как же я люблю тебя. Я отвечаю за тебя. Я отвечаю за всё. Я должен расшириться до размеров всего мира. Я должен накрыть собой весь мир. Не дать никому умереть. Объять их всех необъятных моих. Заласкать, зацеловать. Я вас раньше ненавидел. Считал тупыми, мерзкими, гадкими тварями. Недостойными жизни. Всех без исключения, я считал вас мерзким фоном моей никчемной жизни. Боже, как я ошибался. Какие вы все классные. Как вас можно делить на маньяков, убийц, тупиц, святых, пьяниц, хорошеньких девушек. Вы все – одно. Это же очевидно. Вы не здесь одно – вы там одно. Пока я так думал, я стал самолетом. Я ощущаю крылья свои, хвост свой, фюзеляж свой, двигатели-пропеллеры мои. Ай-люлюшечки-люли! Людей внутри себя, топливо в топливных баках. Холод антарктический, приближающуюся землю. Могу ли я неуправляемый полет превратить в управляемый? Могу. Да. Тяга чуть поменьше. Закрылки поднять. На меньших оборотах. Планирую. Что еще? Выпускаю шасси. Как эротично. Топлива хватает. А зачем я выпустил шасси? Чтобы сломать их к чертовой матери. Надо садиться на брюхо и долго-долго скользить и одновременно тормозить двигателями. Есть подходящее место для посадки. Ровное, гладкое. Как я могу видеть? Очень просто. Я встал в кабину и смотрю глазами, что происходит. Начинаем посадку. До земли (льда, снега) 377 метров. 233, 144, 89, 55, 34. Сейчас. Давай. Коснулся снега. Выдал фонтаны ледяные из-под себя. Подпрыгнул, чуть взлетел. Опять скользнул по льду. Торможу, как могу. Двигателями. Мозгами. Подкрылками. Закрылками. Открылками. Мать твою! Убьемся! Уеб. мся! Все скрипит, трещит. Грозит развалиться. Я потерял сознание.

Сладкая жизнь. Сладкая. Вода. Ах. Открыл глаза. Прости, воды нет. Есть только кола. Пепси? Кока. Мы живы. Я посадил самолет. Резко сел. Я люблю тебя. Я ни капельки. Нисколько не волновалась. Я... я... Обняла меня. Целует. Мы все в коле. Дай виски. Я теперь тоже напыюсь. У нас много. Целый ящик. Больше нет вопросов. Я могу всё. Если надо, перепрыгну через Северный Ледовитый океан в Москву. Сёмка, мы в Антарктиде. Тебе надо Индийский перепрыгнуть. Не вопрос. Целует. Губки нежные. Язычек-шалун. Слюньки сладкие. Слюнькина Лета, зубки кусачие. Ручки шаловливые. Я наберу в рот виски и напью тебя. Давай, извращенка. Давай маньячка. Сексулячка. Губы, виски, сладкие. Обжигающий поцелуй. Огненный. Мы боги огня. Мы боги земли. Мы боги Огненной земли, огненной воды и обжигающего сахарического. Сахарного, пустынного. Сладкого ветра. Раздевайся. Идем купаться в снегу. Мы живы. Мы жи-и-ивы! Нас обязательно найдут. Нас будут искать. Смотри. Какое небо. Какое солнце. Ласки. К черту ласки. Я хочу жесткого секса на снегу. Ты сексуальный маньяк. Да я

хочу грубой неотесанной жизни, после нашего чудесного спасения. Нас спас не бог. Нас спас я, твоя любовь, везение, помощь космоса. Безличного, черного пофигиста, который неожиданно повернулся боком к нам в своем миллиарднолетнем сне и случайно выпихнул нас на сторону жизни из стороны смерти. Это я говорю уже вне самолета на снегу. Как же холодно. Ну его к черту раздеваться, займемся этим в самолете. Ты не против? Нет. Жизнь прекрасна. Черт возьми. Выпьем для разогрева. Для разогрева перед чем? Перед ночью. Ночи не будет. Солнце не зайдет за горизонт. Так здесь всегда в это время года. Как отвратительно. У тебя есть очки солнцезащитные? У меня тоже нет. Нас никто не найдет. Мы замерзнем здесь. Это не страшно, Сямка, совсем не страшно. Нас найдут, иначе получается все зря. Зря летели, зря спасались, зря садились. Даже в кино не бывает такого, что люди только что спаслись и сразу умерли. Не бывает. Бывает! А я говорю, не бывает!! Бывает!!! Приведи примеры. «Всадник без головы». Что «Всадник без головы»? Он не спасся. Он ехал, счастливый, думал, что все будет хорошо, а его убили, отрезали голову и он долго-долго навел ужас на окружающих. Мы тоже будем ходить по Антарктиде и пугать туристов и полярников. Ах-А-А-А-Р-Р-Р. Типун тебе на язык, Летка. Но давай заберемся в самолет, а то у меня зуб на зуб не попадает. Не хочу мне не холодно. Насладись величественным видом. Мертвым вот уже много тысячелетий. Мертвым и холодным. Полгода – день, полгода ночь. Снег. И все. Ты глубокая, ум-м-мная. Пойдем. Холода нет, Сяма. Холод – это брат жары. Старший причем. Поешь снег. Он вкусный. Девственный. Лет, мне страшно. Страшно что? Умирать? Жить? Не знаю. Страх сковал холодом мои ноги и руки. Я сел. Я снял шапку. Я ничего не понял, я ничего не знаю, я не думал, что может быть так, что из-под тебя выбивают эту точку опоры – повседневную реальность. Подсовывают вместо нее сразу три реальности. Ты перестаешь понимать какая из них настоящая и умираешь от страха. Значит та настоящая реальность для тебя всё, а ты – никто. Ноль без палочки. Или палочка без нуля. Зачем я жил? Глупо. Бесцельно. Окружил себя дерьмовой жизнью. И как только у меня это дерьмо, внутри которого я жил отобрал... Жук-навозник. Но я у тебя осталась. Я у тебя осталась? Жучек ты мой любимый. Я что вслух размышлял. Нет, я мысли умею читать. Молодец. А что будет после смерти? Скоро узнаешь. Или не скоро. А вдруг там ничего нет? Вдруг я умру навсегда? Я так не хочу. Хочешь. Нет. Да. Хватит говорить чушь. Я не говорю чушь. Ты хочешь. Чего я хочу?

Танцевать. Вот чего ты хочешь. Танцевать? Да, пригласите, сударь, даму на танец. Можно... Я... Бред какой. Мудрые ирландцы говорили, если ты не знаешь, что делать дальше – танцуй. Я серьезно. У тебя больше в жизни ничего не будет, кроме этого танца, этого неба над головой, этого солнца, этого снега. Моих глаз. В них вся вселенная. Мы стоим друг напротив друга, смотрим друг другу в глаза. Я никогда раньше так долго не смотрел никому в глаза. В них и правда вся вселенная. Я забыл, как меня... Кто я? Откуда пришел? Куда иду? Раз. Два. Три. Раз. Два. Три. Раз. Два. Три. Па-Бам. Па-Бам. Па-Бам. Пам. Пам. Пам. Па-Бам. Па-Бам. Па-Бам. Пам. Пам. Пам. Любимая. Я всегда буду с тобой. Я никогда и никуда тебя не отпущу. Я разучусь говорить, чтобы не быть скучным и занудным. Всезнающим и умным. Я буду только танцевать. Только нашептывать тебе на ушко этот мотивчик легкомысленный и пошлый. Любимый. Я отпущу тебе на все четыре стороны, а сама буду ветром нежным неуловимым, ласкать твои завихряющиеся вихры волос соломенных. Буду снаружи внутри. Буду любить тебя, как ты меня, только чуточку больше. Нет, я буду больше. Не упираться глупенький. Уступи девушке. Хорошо. Днем антарктидическим буду любить я тебя сильнее, ночью ты меня. Как ты выговорил это слово? Повтори. Так смешно. Ан-тар-кти-ди-чес-ким. Ты гений. Ты маленький еврейский гений. Прошу не поминать все мою национальность. О, чистокровная славянка Летиция Шарон. Слышишь? Это вертолет. Нас нашли.

3 января 1917 года

– А еще мне снилось, будто просыпаюсь я в доме незнакомом мне. Ходики тикают. Тик. Так. Печка топится. Тишина в остальном. Ни звука. Образа на стенах висят. А я не понимаю, что сплю. Вспоминаю. Как же я в доме-то этом оказался? Нет. Решительно не могу вспомнить. Господа-судари мои. Дверь в сени открыл. Посмотрел. И здесь никого. На печи никого. В окно глянул. А там ветрено. Дожливо. Луна полная. Тоска. Друзья мои. Отвернулся я от окна. Смотрю – батюшка мой и матушка моя. Царствие им небесное. Пусть земля им будет пухом. Рухнул я на колени. Обнял. Руки целую. Бога молю, чтобы подольше продлил он момент сей сладостный. А они стоят, не шелохнутся. Да, и одеты они были точь-в-точь в ту одежду, в которой были похоронены. Они у меня... Один за другим. Сначала мать от болезни неизлечимой тяжелой. Потом отец от тоски помер. Да... Отец строго на меня в этот раз посмотрел. И говорит. Ах, Федька, Федька. Сукин ты сын. Мы с матерью старались. Воспитывали тебя. Отказывали себе во всем. Все только детям. Тебе и Лизе. Что же ты нас позоришь так перед Богом и людьми? Я ему говорю, не гневайтесь, отец, скажите, в чем моя вина перед Вами. Я тотчас все исправлю, сообразно Вашей воле и матушкиного согласия. Что ж сын. Слушай волю мою. Должен ты тотчас же найти женщину по имени Анна и жениться на ней немедленно и ребенка своего признать и усыновить. Батюшка, помилуйте, о какой такой Анне, о каком таком ребенке Вы говорите? Я ни о женщине такой, ни о ребенке ее слыхом не слыхивал, видом не видывал. Матушка, пожалейте меня, смилуйтесь надо мной, родные мои. Не знаю я, о чем Вы таком меня просите. Знаешь, сказал отец и сильно оттолкнул меня от себя, да так, что я полетел как бы в пропасть такую бездонную. Лечу я, ног не чуя, и думаю, все, конец мне пришел. И пожить-то толком не успел, а уж и помирать Господь велел... И проснулся. На перине пуховой. Мокрый весь. В лихорадке. Жар по всему телу. Ломота. Хотел Ивашку позвать, да вспомнил, что третьего дня отпустил его в деревню на похороны какого-то его дальнего родственника. Сам теперь, всё сам. Встал, подошел к кадке, зачерпнул ладонью воду, умылся. Вроде полегчало. Что же за сон такой? Горький. Безнадежный. Ох, не к добру видно увидел я его. Не к добру! Ни разу еще родителей своих покойных не видел я во сне. Душа как болит! Слезы из глаз. Бедный я бедный. И за что мне такое наказание? Прилѐг я опять, а заснуть не могу. Всѐ не выходят у меня из головы последние слова отца-батюшки моего Ивана Никифоровича. Да у меня даже ни одной знакомой по имени Анна нет. Да и не было никогда. Не всегда, наверное, сон в руку. Бывает, наверное, и горячечный делириум. Прости господи за басурманские слова. Встал на коленях перед образами и сочинил молитву. Господи, прости меня за все прегрешения вольные и невольные. Прости за помыслы недостойные. Прости за дела нестерпимо подлые. Прости меня, раба твоего слабосильного. Укрепи дух мой. Очисти душу мою. Спаси тело мое от осквернения болезнями. Ивашка, помоги... Нет Ивашки. Встал. Хотя я по утрам... да я вообще очень редко водку пью. Но тут не удержался, налил себе стопку, выпил. Чтобы дрожь унять. Решил в церковь сходить. Свечку поставить за упокой души родителей своих. Ведь вот беспокоятся обо мне, во сне приходят, разговаривают. А может это бесы приходили, прикинувшись отцом с матерью. Бесы они хитрые, они все могут. Заторопился я. Одедся во что попало. Ведь сам я найти в своей комнате без посторонней помощи ничего не могу. Сапоги нечищенные около двери стоят. Их одел, потому что туфли лакированные не смог найти, как ни искал. А свечи зажигать... И ведь не отпустить его я не мог. Любил он родственника своего. Всѐ рассказывал, как тот его на себе катал. Вышел на улицу, солнце ударило в глаза. Прикрыл я ладонью глаза. Прищурился. Пошел, не торопясь, мимо березок, знакомых с детства, вышел на пыльную дорогу и пошел к церкви. А сон все не выходит у меня из головы. Родители, как живые у меня перед глазами стоят. Иду – плачу. Со мной мужик какой-то поздоровался, поклонился. Я ответил ему поклоном. Как дошел не помню. Глядь, вот и ворота передо мной. Пере-

крестился, поклон отбил, в церковь зашел. Свечки взял, поставил перед образами, думу думать невеселую начал. О жизни своей, о ничтожестве своем перед богом, о грехах своих тяжких. Смотрю девушка вошла и будто знакома она мне, глаза скромно опустила после того как встретила со мной взглядом. Что-то я прочел важное во взгляде ее, но понять не успел. Закрыв глаза. Вдохнул полной грудью воздух. Ладан благотворно на моё тело влияет. Радость в душе и в теле появилась. Дурные мысли ушли куда-то, жизнь стала снова рисоваться в радужных красках. Открыл глаза, посмотрел на Иисуса и сказал: «Спасибо тебе, Господи, за всё, что ты делаешь для меня». И сам себе показался тогда благочестивым христианином и порядочным русским гражданином. Слуга царю. «Да ниспошлет Господь многие лета Императору нашему, батюшке Николаю Александровичу». Совсем даже гордость за себя наполнила сердце моё. Я хороший. Даже если никто меня и не видит, и не слышит, Бог-то он всё видит и всё слышит. Перекрестился. Поклонился. Правой рукой коснулся пола и вышел. У церковных ворот неожиданно та девушка-красавица нагоняет меня и говорит. «Здравствуйте, Федор Иванович, сокол мой ненаглядный! Это я, Нюра». Нюра, Аня. Боже, как же я мог забыть о ней. Сколько лет прошло? Пять? Шесть? Похорошела. Волос черный. Глаза зеленые. Глаз не отвести. «Куда же пропали Вы тогда? Я Вас искала, искала, все глаза выплакала? А Вас и след простыл. Нехорошо Вы со мной поступили тогда. Нечестно». И смотрит на меня своими глазенками чистыми-чистыми, как у ребеночка. Я от стыда не знаю, куда мне деться. Мог бы под землю провалиться – провалился бы. Ведь обесчестил я тогда невинную русскую девушку, а сам, как подлец сбежал. В любви вечной клялся, а сам всё равно сбежал. Вечерний звон, бом, бом. «Так, по..., по делам-с. На Дальний Восток. По государственным. Да-с». «А что ж не зашли, не попрощались»? «Так... Вот... Говорю же. По делам. Срочно... Предписание... На сборы... Времени... Не дали». «А здесь, какими судьбами»? «Дом». «Что дом?» «Купить хотел...». «Купили»? «Купил...» «Да Вы не беспокойтесь так сударь мой, Федор Иванович. Вижу, не удобно Вам встретить меня. Нет стремления со мной разговаривать. Вы даже не обняли меня, не поцеловали. Хотя раньше... Пойду я. Суди Вас Бог». Сделала шаг, остановилась. «Хочу я Вам на прощанье сказать...». Сейчас скажет, как сильно она любит меня. «Сын у меня от Вас. Федором назвала в Вашу честь». Заплакала, прикрыла лицо ладонью и побежала. Я стою, красное лицо, жар, прилив у меня. В голове картина из детства. Бабушка моя, Софья Андреевна, сидит на диване, пот ручьями струится. Она веером обмахивает себя и говорит: «Прилив у меня». Побежал я, догнал Нюру. Долго-долго что-то нудное, пустое и нелепое говорил ей. А на прощание протянул ей пятирублевую ассигнацию. «Мне от Вас ничего не надо. Как-нибудь проживем». Поклонилась мне и пошла неторопливо по тропинке пыльной. Я кричу себе: «Беги за ней, беги, несчастный! Это же жизнь твоя уходит!» Но не побежал. Упал на дорогу. Лежал и рыдал. Оттого, что не выполнил родительского наказа. Оттого, что жизнь моя полетела в тартарары. Меня люди какие-то с дороги оттащили, под деревце положили, думали, что пьяный. А я и на самом деле, как пьяный. Ничего не вижу, не слышу и сказать не могу. Только хрип из горла раздается. До вечера я под березкой той пролежал. Вернулся домой и запил. Долго пил. С видениями ада. А что ж мне видеть-то прикажете. Судари мои. Друзья мои, товарищи. Братья по оружию. Боевые мои... Вот тогда я понял, что такое настоящий грех. Грех – это когда идёшь супротив главного направления своей жизни. Родовой линии. Против уважения к главе Рода своего. Против родительского слова. Против своей души, против жизни даденной тебе Богом. Мне кажется, иногда, что в те дни я и умер. Неживой я с тех пор. В зеркало смотреть не смотрел даже. А ведь сейчас все бы у меня было. Дети, семья, жена. Анна мне с тех пор каждый день во сне приходит начала. Посмотрит так кротко и укоризненно, повернется тихо и уходит. А ведь я ее даже искать не пытался, вот как бесы меня в оборот взяли. И я плачу. Да, господа, простите мне эти слезы. Простите. Я и на могилу отца, и на могилу матери не ходил с тех пор. Стыдно. Совесть мучает. Ест душу поедом. Так муторно. Так душу рвёт. Мне война в радость была. Как узнал я про войну с германцем, так я воспрянул телом

и душой. На войне, подумал, я праведной, православной, за Веру, Царя и Отечество, искуплю я жизнью свой грех этот тяжкий. И ведь как я в бой всегда рвался, от пуль не уворачивался, в штыковую – всегда первый. Под пулеметы – не пригибаясь. Георгиевский Крест имею... Вот первого убитого мною немца, как сейчас помню. Пошли в штыковую. Пули свистят. Немцы – как девятый вал на картине Айвазовского. Сплошная серая масса. И тут я одно лицо различать стал. Немца одного совсем мальчишку еще. Он бежит, глаза раскрыл. Кричит что-то по-своему. Ну, я и пошел на него. Больше никого не вижу. Сошлись мы. Я ему саблю в сердце самое вонзил. Он ойкнул. Ружье выронил. Руки к сердцу прижал. И на землю оседать начал. А я ему все в глаза смотрю. А в глазах у него такой покой и умиротворение. Словами не передать. Первый мой был... Теперь мой черед. Вот рассказал про грехи свои и легче стало. Не так боязно. Не так тяжело уже помирать. Не так... Давайте, господа закончим со мной.

Я посмотрел на всех, на поручика Иванова, только что закончившего свой рассказ. На полковника Краснова, сидящего на табуретке, закрывшего глаза ладонью. На растерянного Шарко, пятившегося почему-то от меня. И на подполковника... Подполковника. Я не мог никак вспомнить ни его фамилии, ни имени-отчества. Сказывалась контузия. А также последствия газовой атаки.

– Ну же. Не забывай. Ты Богом поклялся. Всё уже обговорили. Господи, ну зачем для такого важного дела мы взяли контуженного ... – сказал, почти завыл полковник, нервно при-топывая ногой.

– Вы, Ваше Благодение. Не того... Не очень... Вы свое слово сдержали, и я сдержу. Решил я грех этот на душу взять. За деньги большие решил. Ибо нужда у меня в деньгах великая. Спасибо Вам господин полковник. В ноги Вам кланяюсь.

– Быстрее. Не выдержу я.

Я подошел к поручику Иванову. Поставил его посреди комнаты на колени. Достал заготовленный мешок и надел ему на голову. Мешок оказался очень большой. Он закрыл не только голову его, но и плечи. Слышно было, как поручик начал неслышно читать молитву. За окнами прошел кто-то, громко гогоча. Полковник глянул в окно, но быстро вернулся. Я взял в руки винтовку, передернул затвор. Приставил дуло к голове Иванова. Но потом обошел его с другой стороны. Выстрелил в голову. Тело с глухим стуком ударилось о пол. Подполковник часто задышал.

– Расскажу теперь я. Признаться честно, мне ни о чем таком рассказать Вам нечего. Косноязычен, как всегда-с. Родился, вырос. Вспоминаю свою жизнь. А вспомнить, пересказать нечего. В голову ничего не лезет. Никаких воспоминаний. Мне говорили – учись. Я – учился. Мне сказал дядя мой полковник – иди на военную службу, почетно это, я и пошел. Желу мне мать подобрала, посватала. Дети сами как-то на свет божий появились. И росли. Даже когда сын младшенький, Кирилл, в речке утонул, никакого горя я не испытал особенного. Так, погоревал. А сейчас даже лица его вспомнить не могу. Поручик здесь про первого убитого немца нам так горячо рассказывал. А я ни первого убитого не помню, ни последнего. Сейчас Иванов лежит мертвый. С мешком на голове. Мне его не жалко. Мне вас не жалко. И себя по большому счету, тоже. Выходит, я и есть самый никчемный, самый бессердечный человек? Вы как думаете? Молчите. Глаза отворачиваете. Тогда я расскажу о нечеловеческой мерзости семьи нашей. О том, как отец мой, сестру мою старшую... О том, как жили они как муж и жена при живой нашей матушке. О том, что знал я все и никому не сказал, а главное, как я присутствовал при всех их мерзостях. Они знали о том, что я все это вижу. А я испытывал от всего этого несказанное удовольствие. И считаю это время самым счастливым в своей жизни. И вспоминаю о тех днях каждый день. И дрожь по всему телу. И сладость. И потеря. Что мне сейчас смерть, когда я такую боль, такую сладость, такое наслаждение испытал. Такой стыд. Именно тогда я понял, что богу все равно. Ему до нас дела нет. Грехи эти все люди сами себе придумали. Не наказывают

за них. Ни за что не наказывает бог. Он не смотрит за нами. Он нам доверяет. Он знает, что все, что он задумал, мы с вами сможем выполнить. А выполнить задуманное можно, только если свобода, волюшка вольная людям дана. Только так. Делай, что хочешь. Но таись от людей. Ибо люди наказать могут, сообразно непонятно кем выдуманным правилам. Где это – грех, это – святость. Книги тоже врут, особенно которые учат. Учат, сами не знают чему. Учат... И которые не учат... Я запутался. У меня морали нет никакой. У меня воспоминаний нет никаких. И не жил я всё это время. Только тогда. Только тот год, когда я застал в лесу отца моего и сестру мою. Я не называл их по имени с тех пор. Я не разговаривал с ними. Отвечал только редко: «Да, папа». Или здоровался: «Здравствуй, сестра». Странно, что мать этого не замечала. Не хотела замечать. Она настолько была поглощена хозяйством, следила за тем, чтобы все были сыты, довольны, помыты и образованы, и на ночь, отходя ко сну, все бы ей говорили: «Спокойной ночи, маман». А у меня с той поры. Как бы Вам это объяснить. Я слепой как бы был. С меня шоры эти сняли. Отец родной и сестра родная сняли. И я увидел реальность, какая она есть. Без прикрас. Бес прекрасен. Вот в кого я верю, так это в Беса. В бога я тоже верю. Но бог создал нас и ушел. А в подарок оставил нам Беса. И ведь это Бес постоянно говорит у вас в голове. Ведь это Бес постоянно подсказывает, что надо делать. Он ни на секунду не оставляет вас, Бес, без своего внимания. Говорит. Говорит. Говорит. А на самом деле его нет. Его нельзя пощупать, увидеть. Только услышать. Он слова тебе самому вставить не дает. Только что захочешь сказать или подумать, он тут как тут. Хрю-хрю. И так тебе логично все расставляет по полочкам, что тебе и деться некуда. Эмоции – это не его. Чувства – это не его. Боль, наслаждение – это не его. Он как советник. Действительный, статский. Советует. Но, ни за что не отвечает. А отвечаете вы. Жизнью своею в итоге за всё. Вот в этот самый счастливый год я его вообще не слушал. Он мне – уйди, стыд, срам какой. А я не ухожу. Он мне – скажи матери. Ты, как верный сын, всё должен матери рассказать. А я – не рассказал. Он мне – не занимайся рукоблудием. А я – занимался. Он мне – не рыскай по лесу, не ищи их, не выслеживай их дома, не лови их взгляды. Нет, Бес. Буду! Буду! Буду! Я представлял себя на месте сестры. Я ощущал все эти ощущения, которые представлял себе в воспаленном сознании. Я чувствовал горячее тело, горячие руки отца, его поцелуи, чувствовал, как он входит в меня. Ночью я до утра не мог уснуть. Я маялся в божественной неге воображаемого мира. Где я был женщиной. Слабой, нежной, красивой. За год я осунулся, похудел. Мешки под глазами. Шаркающая походка. Земской доктор не смог определить причину моей болезни. Несколько раз возили меня в столицу к немецкому эскулапу, да все без толку. Хотя отец и сестра, безусловно, знали причину моего недуга. Они уже не скрывались от меня. И если я отставал от них, в похотливом своем путешествии через лес, к месту уединения их в сладком грехе, они останавливались и поджидали меня. И я целый час летал по всем кругам ада. С удовольствием, зудящим по всему телу. Я всегда испытывал радость при этом. Счастье. Умиротворение. И старался как можно реже ходить в церковь под разным предлогом. Разлюбил я бога, бросившего меня на произвол судьбы. Но судьба не бросила меня. Судьба уготовила мне испытание, которое сломало меня на всю жизнь. Воткнула в сердце шип, который только сейчас, благодаря Вам, только можно вытащить... Сестра моя вскоре повзрослела и стала прелестнейшей девушкой. Ласковой, нежной. Но с чертовщинкой в глазах и поступках. Буйство её выражалось в том, что иногда она по три часа в пруду плавала туда-сюда. Туда-сюда. А выйдет, даст мне сладкую затрещину. И побежит, куда глаза её прекрасные синие глядят. Я за ней бегал давно уже хвостиком. И преследования эти, скажу я вам, приняли болезненный характер. Мать к тому времени считала меня неизлечимо больным. Да и врач не переубеждал её в этом. Однажды я слышал, как он говорил матери: «Крепитесь. Я думаю, ему не больше года осталось». Я точно знал, что это не так. Да-с... Я вышел один раз, даже, в платье старом сестры моей. Думал, что это смешно. Надо было видеть их лица при этом. Матери, отца, сестры, прислуги. Отец разрыдался. Я понял – мне надо как-то снять напряжение. Я развернулся, пошел обратно наверх и переоделся в свою обычную одежду. Больше я

так никогда не делал, мне достаточно было моих фантазий. К нам нечасто приходили гости. Я никогда не спускался к ним, да и меня никогда не звали к гостям. Слух о моем недуге давно распространился за пределы нашего поместья. Но я однажды понял, что произошло какое-то изменение, скорее не понял даже, а почувствовал. Будто песня оборвалась. И наступила зловеющая тишина. Я увидел, как сестра выбегает за руку с каким-то молодым человеком. Они бегут к калитке, которая вела в лес. Они обернулись. И я поразился тому, насколько же этот молодой человек похож на моего отца. У нас в зале висел портрет отца, когда ему было лет двадцать пять. Так вот портрет этот и молодой человек, смотрящий на меня и машущий мне рукой, будто одно лицо. Я догадывался, что сейчас произойдет что-то страшное и поэтому перестал выходить из своей комнаты. Еду мне приносили, мыли меня тоже в комнате. Даже ведро поставили... Мать как-то зашла ко мне вся сияющая, долго обнимала и сказала мне, что скоро у Дашеньки свадьба. Сын графа Ланского просил у нас с отцом руки твоей сестры. Да и сам граф с супругой приезжал. Отец дал согласие. Меня колотить начало, в жар бросило. Мать не заметила этого и вышла из комнаты. Я приготовился к худшему. К падению дома Ашеров. Так я обозначил про себя свое, наше будущее. Мои адские предчувствия не заставили себя долго ждать. За неделю до свадьбы в реке выловили труп моей сестры. Никто не мог сказать, что же случилось. Насильственной ли была смерть. Следовательно из города приезжал с помощником своим. Но, не найдя никаких улик, уехал. Признали несчастным случаем. Но я знал, кто убил сестру. Я знал и не мог простить, не мог не отомстить. И я решил сделать месть главным делом моей жизни. Решил, что здоровье мое пойдет на поправку. Стал делать зарядку. Через месяц уже гулял в лесу. Каждый день приходил на могилу сестры. Разговаривал с ней. И всегда, когда видел отца, старался посмотреть ему в глаза. Он не отводил взгляд. Он знал, что я задумал. Он знал, что я знаю, кто убил сестру. Безумие росло, крепло. Я перестал что-либо замечать, кого-либо замечать кроме него. Думал только о нем. О предстоящем возмездии. О улучшающемся моем самочувствии. О здоровье богатырском. Мать, совсем было зачахнувшая после смерти сестры, вдруг воспрянула духом и начала заниматься только мной, думать только о моем будущем и устраивать его. И вот однажды, когда матери не было дома, я, предварительно отослав по незначительным поручениям всю прислугу, предложил отцу прокатить его на лодочке. Он покорно согласился. Мы дошли до лодки, он сел, я толкнул лодку и ловко вскочил на нее. Он все это время, пока мы плыли на середину озера, возводил глаза к небу и что-то шептал. И еще. Он надел какую-то рубашку белую, которую при мне раньше никогда не надевал. Лягушки квакают. Птицы чирикают. Ветер. Деревья шумят. Облака по небу плывут. И тут я толкаю его, он падает за борт, я переворачиваю лодку и отталкиваю ее как можно дальше от того самого места где мы с ним плескаемся. Он плавать не умеет, хотя и меня и сестру прекрасно плавать научил. Он яростно и радостно беспорядочно бил руками по воде. Вдыхал жадно ртом воздух. Создавая вокруг себя штормовое бурление и фонтаны... Да, он быстро пошел ко дну. Но я смотрел на это с отстраненностью изысканной. И потом выплыл на берег и стал звать на помощь... Вот мой самый большой и непростимый грех. Но я не считаю это грехом. Меня поэтому на войне и не убили, что я вообще после этого ничего грехом не считаю. И действовал на войне расчетливо, холодно, не предаваясь эмоциям. И сейчас, господин полковник, я благодарен вам за это... Странно, Реквием в ушах звучит, господи. Да-с. Реквием Моцарта. Как кстати. Давай Иван.

Я подошел к подполковнику, подвел его поближе к трупу Иванова, поставил на колени.

– И давно Ваше Благородие у Вас случай этот произошел?

– Какой случай?

– Ну, вот этот, который Вы сейчас рассказали.

– Тридцать лет назад. А что?

– Видел я этот случай, Антон Петрович, как Вы и рассказали. Ребенком совсем малым я тогда был. Плыли на лодке. Потом лодка перевернулась. На лодке было два человека. Потом

один приплыл на берег, на помощь стал звать, а второй, батюшка Ваш Петр Николаевич, утонул.

– Сейчас, дорогой мой, это не имеет абсолютно никакого значения. И совпадение это, насколько меня не трогает. Перед смертью на другое внимание обращаешь. На свет керосиновой лампы мерцающий. На запах ее, на то, как снег за окном падает. Неудобно мне, милоч, вот так на коленях стоять. Вот я о чем. Ты бы уж поскорей. Прощайте штабс-капитан, прощайте господин полковник. Не встретимся мы на небесах. Не будет больше ничего. Смерть – это конец.

Надел я на подполковника заранее приготовленный мешок. Мешок поменьше был предыдущего. Затвор. Выстрел. Как на раз-два. Быстро. Полковник зарыдал.

– Не плачьте, полковник, не жалейте прошедшую безвозвратно жизнь. За грехи наши рано или поздно рассчитались бы мы жизнями своими. Я всегда знал об этом. Грустно, но справедливо устроен этот мир. Бог, наш отец, смотрит за нами строго и серьезно. И совершая грехи эти богомерзкие. А грехи – все богомерзкие. В этом я уверен до конца. До самого конца... Я спокоен. Давайте я вытру Ваши слезы, мой достойный командир, мой дорогой старший товарищ. Вот так. Вы для меня главный пример святого на войне. Молчите, молчите. Святой – это не тот, кто грехи не совершал. Святой – это тот, кто грехи свои осознал, принял и отмолил. Действиями, причем, своими отмолил. Мы обсуждали это с вами. Отец родной, после того разговора с Вами, мне небеса открылись. И товарищам нашим, которые уже отправились на небеса в рай. Святые наши уже на нынешний момент Федор Иванович и Антон Петрович. Царствие им небесное. Души их сейчас скоро предстанут пред Очами Его. И Суд его будет страшен и справедлив. И я скоро... Я... Мой грех страшнее Иудиного. Страшнее и трусливее и... Ненависть. Вот, что в душе моей тогда происходило. Ненависть к миру, к людям, к Богу и к себе. Я ждал конца света больше всего! Страшного суда. Как же я хотел, чтобы бордель этот, называемый земной жизнью, вселенски окончательно завершился. Конец, понимаете? Все, больше ничего не будет. Ведь если ж я умру, а несколько миллионов людей продолжат жить – это не справедливо. А если все умрут – бальзам на сердце. Это притом, что я ждал, надеялся. Ах, как сладко, братья мои... Можно я к Вам буду обращаться братья мои? Ведь Вы ж последние, кого я перед смертью всё еще буду видеть. Да я ждал, надеялся. Как бы ни страшно звучали мои слова. И вот я знал, что конец света случится, а он возьми, например, и случись. И последние слова мои на вершине экстаза – «А я всех предупреждал, что так и произойдет!!!!» Хотя я никого не предупреждал, а просто так языком трепался. И я возжелал конца света страстно, но никак не знал, как лично я могу конец света этот приблизить. Выпивать я каждый день начал. Страшно, убийственно, методично. Не просыхая, как какой-нибудь разорившийся купец. Сначала «Смирновскую». Потом, когда мозг и организм мне постепенно отказывать начали, когда доктор сказал мне, что в следующее Рождество, похоже, голубчик, в церковь уже не пойдете – Вас внесут. Перешел я на легкие красные вина. Сходил на следующее Рождество ненадолго в церковь, пришел домой, налил себе бокал «Каберне». А я дома не один. Стоит слева от меня человек молодой, пристально смотрит. «Выпейте, выпейте», – говорит он мне с иностранным акцентом. Иностранец значит. Это у меня, значит, серьезная горячка началась. С галлюцинациями. «Нет, это не горячка. Вино подготавливает хорошо к встрече с такими демонами, как я. А еще отвар из мухоморов». «Отвар из мухоморов я пить не буду, хоть режьте меня. Да и вино прекращу пить на время разговора нашего, недолгого я надеюсь. Ну-с, сударь, чего изволите?» Поставил я фамильный хрустальный бокал на скатерть и бесцеремонно начал рассматривать незваного гостя. Молодой парень. Среднего роста. Одет не по-нашему. В иностранную, скорее даже английскую одежду. Волос черный. Глаза как у арабченка. Волосы растрепались, как будто он откуда бежал. Губы тонкие. Нос прямой. Подбородок волевой. Чуть ниже и правей под правым глазом родинка. Уши больше среднего,

закрыты наполовину волосами. Зубы неровные. Хвоста, рогов и копыт не наблюдается. «Общение, я извиняюсь, долгое будет. Я вам должен будущее этого мира показать. Жуткое на самом деле будущее. А вы должны его пустить в мир. Или не впустить. На Ваш выбор». «А если я его не впущу, что будет?» – взволнованно спрашиваю я. «Рай на земле, но без Вас. А если впустите – Ад, но с вашим живейшим участием, дорогой Дмитрий Сергеевич». Я подумал, что надо просто поспать. Чайку с лимоном попить. И все пройдет. Проснусь утром как обычно. Веселый и радостный. Как давно уже не бывало. «Поспите, поспите. А я здесь рядом посижу, подожду, пока Вы проснетесь», сказал бес с язвительной улыбкой. «Или не проснетесь. Все только на Ваш выбор и ради Вашего удовольствия, любезный мой друг». Меня пугает это. Меня испугали его слова. Я боюсь не проснуться. Но вида не показал. Какое сейчас усну? Как усну? Если поджилки трясутся. Выпью вина. Вот Вам. И еще. И еще. Видел, бес, как русские люди пьют? А он в кресле качалке лежит, покачивается, дремлет. Как будто не интересно ему. Стал я пристально в него вглядываться. Спит как будто. В вот возьму револьвер, курок взведу и выпущу всю обойму. «Вот этого делать Вам точно не надо, господин Шарко», – официальным тоном говорит чёрт, – «только патроны зря потратите». И спит дальше, как ни в чем не бывало. Ладно. Ладно. Ла-а-а-дно. Допил вино. Лег на кушетку накрылся пледом. Закрыв глаза. Заснуть пытаюсь. И тут вроде как движения какие вокруг, что ли. Ветер такой. Теплый. Морем что ли запахло. Музыка чудная. Никогда такой не слышал. И меня начинает как бы приподнимать. Лечу плавно. И страх. И восторг. Открыть глаза боюсь. «И не надо. Я скажу, когда можно будет глаза открыть.» Музыка мелодичная, на неведомых инструментах. Методичные удары. Шум. Голоса. Вот опять прекрасная мелодия. Голоса опять. Галилео. Фигаро. Черт знает что. «Я знаю, что это, но Вам не скажу. Пожалуйста, Дмитрий Сергеевич, зовите меня Робертом, мне так привычно и приятственно. Вам не сложно?» «Нет, не сложно». «Ну вот и хорошо, открывайте глаза, голубчик». Открыл. Ого. Амфитеатр. Невообразимых размеров. Больше чем собор святого Петра в Риме. Амфитеатр, разрубленный пополам. А посередине окно огромное. И в этом окне лицо демона Роберта. Но размеры. Как у циклопа. Но только голова видна. Ног, рук, туловища нет. «Садитесь, пожалуйста, на кресло, мой дорогой. Устраивайтесь удобней. Сейчас на этом экране, где вы видите мою улыбающуюся физиономию, Вам покажут фильму про будущее, то самое, ужасное, которое Вы, как я уже говорил, должны впустить в наш мир, или не впустить. Смотрите и наслаждайтесь». Свет выключен. Фильма началась. Музыка Бетховена. Начал по сторонам смотреть, кто же играет на фортепьяно. Иль на рояле? Но никого не увидел. Хорошо играет «Аппассионату». Смотрю. Да-с. Зрелище. Все цветное и объемное даже. И запахи. Вижу война. Страшная. Кровавая. Трупы. Люди в противогазах. Штыковые. Порохом пахнет. Землей. Ипритом. Мне плохо, я выйти хочу. И вдруг себя вижу, героя такого. Поднимаю взвод в атаку. Ничего не боюсь. Да друзья. Именно тогда я увидел эту войну, в которой мы участвуем. Далее съемки с аэроплана. Долго смотрел. Как все эти массы людей перемещаются. Убивают друг друга. Полководцев. Генералов. Фельдмаршалов. Государя... Он скоро отречется от престола. На его место придут еврейские разбойники и заварят в России-матушке такую кашу. Царя-батюшку расстреляют с семьей. Голод. Разруха, убийства. Церкви все разрушат. Много я видел их безобразий. А народ безмолвствует... Да-с. Придет век массовых убийств, век падения нравов, исчезновения культуры, искусства. Инородцы будут притеснять русских православных людей. Издеваться над ними. Брать себе их жен, насиловать их. Убивать наших детей... Даже не тысячами, миллионами. Сначала англичане, французы, американцы будут страну нашу рвать на части. Потом немец опять. Ох, это будет так страшно. Столько смертей, столько горя. Пройдем мы по лезвию ножа к этой победе. У германца будут и еропланы железные и танки, и все на их стороне и удача и сила. А мы их все равно раздавим. Но Россия никогда уже после этого не оправится. Слишком велика цена, которая будет заплачена. А потом всё... Страшная война, которая погубит почти все человечество. Останется из всего человечества только несколько тысяч людей. Да и те будут под землей

жить в огромных подземных пещерах. Но это лет через триста. А я доживу до семидесяти лет, доживу в почете и уважении, в услужении у этих шакалов, которые захватят власть в России. И похоронят меня в Кремлевской стене. Мерзость какая. Потом кто-то закричал. Я вот сейчас точно не помню, что. Но, по-моему так. А сейчас музыкальная пауза! И тут появилась негритянка такая страшная, которая запела бесовскую музыку под бесовские скрежещущие звуки. Я вот помирать буду, песню эту не забуду никогда. Ай-Фи-Лю. Люююю. Ай-Лю-Лю. Ай-Фил-Лю. Тьфу, пропасть какая. А потом буквы огромные всплыли. Вот как сейчас их вижу. Ооппа Гаттея. (На самом деле на экране было написано – Donna Summer – прим. Автора). Появился бес снова во весь свой циклопический рост и голову мерзкую ко мне тянет. Дымом дымит. «А какая же жизнь будет, альтернативная, так сказать, не изволите ли ознакомить? Господин черт», – спрашиваю я его. «А вам не все ли равно? Вас не будет. Вы в случае выбора альтернативной, как Вы изволили выразиться, жизни, немедленно умрете. Здесь и сейчас. Одно могу сказать. Войн не будет. Ни одной, никогда. Вы одного человека очень хорошего, не сможете убить». «Убить на гражданской службе? Вы бредите? Я оружия в руках никогда не держал». Раздражать меня если честно цирк этот начал. Злой я стал. А когда я зол... Лучше даже Дьяволу не становиться на моем пути. «Да, – говорит он, – вы своей пьянкой запустите некую цепочку событий, которая приведет к смерти человека, который за несколько лет изменит мир до неузнаваемости, и никто не сможет ему помешать. Кроме Вас». Вот какой я важный человек. Вот я все могу. Как же хочется напакостить человечеству. Дайте шампанского. «Дайте шампанского, Роберт!» И глазки у меня забегали как у вора, который у бедняка последний алтын стащил. «Ламбруски отведайте». Ламбруска, так Ламбруска! Рано мне помирать. «Рано мне помирать, дорогой бес. Я еще повоюю. Я возьму от жизни все. И пропади оно всё пропадом». И разбил бокал о пол. Тут же проснулся у себя в комнате. Оказывается, я уснул на кровати в одежде и обуви... Но все что увидел я тогда в этом странном сне – сбылось. И война. И жизнь моя. Картинки точь-в-точь, как я видел той памятной ночью. И понял я, какой страшный грех совершил. И уже три года мучаюсь так, как Иуда не мучился. Вот откуда храбрость моя отчаянная. Уж очень я хотел смерти. И вот подвернулся сейчас такой случай. Спасибо Вам, полковник. И тебе, наш нечаянный избавитель. Не дам я сбыться худшему будущему. И никто не похоронит меня в кремлевской стене. Не исполнится пророчество. А если в мелком неточность, то и по большому счету значит ложь это всё. А может, не зависит от нас ничего. Всё уже записано в бесконечной книге бытия. И мы несемся, как паровоз по рельсам, не в силах ничего изменить. И Бес издевался надо мной и потешался над моим бессилием и вынудил меня сказать то, чего я не мог не сказать. Ведь если сверху на нас посмотреть мы как муравьи в муравейнике. Много нас, маленькие мы и ничего от нас не зависит. Только я передумал. Да, да. Положи дружок винтовку к ногам. Осторожно. Вот так. И вы господин полковник руки поднимите. Я стреляю очень хорошо, советую Вам не проверять этого моего умения. Не прожигайте меня взглядом. Я соврал. Да я честью клялся, что мы исполним задуманное. Но мне страшно стало, я не хочу умирать. Я еще достаточно молодой. У меня дети, жена красавица. Я знаю свое будущее. Ну и что. Оно вполне себе ничего. Умру я тихо во сне. Но это когда еще будет. Почести, слава, величие. Имя мое впишут золотыми буквами в книгу Истории. Мною гордиться страна будет. Я... Я... Не бывать этому. Все это ложь. Я жить хочу. Дышать. Любить. Все что я сейчас хочу – жить. И я буду бороться за нее. Цепляться зубами буду за нее. Ногтями. Вы только не обижайтесь, пожалуйста, но я вас убью. Обоих. Я к вам лично никакой неприязни...

За окном раздался шум. Всадники проскакали. Но этой секунды, когда несчастный отвернулся от нас, было достаточно. Полковник выстрелил ему в голову. Я надел на голову Шарко мешок и подтащил к остальным. Достал самосад, насыпал в обрывок газеты, закурил.

– Видишь как, Ванька, не сдюжил штабс-капитан. Не снес невыносимую ношу. Цепляться начал. А за что, сам не поймет. На кой ему эта его жизнь? Что он с ней делать будет? Так

и ждал бы всю жизнь, пока его у кремлевской стены похоронят. Не понимают люди... Вообще ничего не понимают. Живут как во сне. Нет, чтоб прислушаться к себе, например. К звукам отдельным в мироздании окружающем. Да хоть книжки умные почитать. Чай не глупей тебя люди писали. Почитал, узнал про все, свои мысли добавил. И вот живи. Ясно же все. Вот Бог. Вот порог. Выйди за него и иди. Иди не останавливайся. Иди не оглядывайся. Смотри только вперед. Только ввысь. На небо, то есть. А куда же еще? Куда смотреть? Некуда. Вот ты ведь тоже в Бога веруешь? Веруешь, вижу. И тоже думаешь, небось, что, мол, как же он это так все хитро и запутано тут устроил. За грехи не наказывает. Подлецов и воров возвышает. Да и сами служители Его – попы. Редкостные мерзавцы. Пробы негде ставить. Молодым невинным детям позволяет умереть. А стариков больных, иногда столько грехов на них висят неотмоленных, продолжает тянуть через десятилетия их уже не нужной жизни. Какую они пользу приносят, если ума у многих из них нет. И посмотри на историю. Историю с большой буквы. Историю мировую. Что в ней? Войны, интриги, убийства, стяжательства, прелюбодеяния, измены. Преобладание смертных грехов в делах и поступках над добродетелями. Ну не может Всеблагий Бог этого делать. Значит, есть Сатана. Сатана он враг мира и его владыка. Это как раз понять можно. Владеет он миром и ненавидит его одновременно. Это очень объяснимо. Да и примеров таких среди людей найти можно. Много. И вот ему, каким-то образом Бог разрешает творить в этом мире зло. Почему? Почему не погубит он это порочное и премерзкое существо. Ты не задумывался, Иван? Вижу, не задумывался. А я задумывался. И скажу тебе так. Всеблагий Бог он не виден на фоне непорочной же и чистой природы Космоса. Как белое на белом. Не видно. Виден он только на фоне черного. На тени Зла. Добро только так видно. А Бог есть добро. Это вне всяческих сомнений. А так как вся эта Мистерия грандиозная для нас, для человека разыгрывается, Бог для того Сатану создал, чтобы увидели мы его. Отца нашего. И мы все его увидели. А теперь нам зло искоренить надо. Черноту убрать. И станем мы белыми на Белом. И вернемся к Господу нашему. Я просто излагаю, из-за того, что времени нет совсем. А так все сложнее намного и мне самому до конца не понятно. Но суть я тебе вкратце изложил... Начал я искать источник вселенского зла. Смотреть на людей внимательно стал, а и присматриваться. Слушать стал. Слышать. Истории интересные. Люди раскрываться стали. Сначала замирают. Потом как с горы на салазках. Хоп. И не остановишь. А съезжают. Останавливаются. И вот рассказ закончен. Стал я рассказы записывать. Да не абы какие. А все с грехом, с раскаянием. Писателем можно сказать заделался. На многие романы листов накопилось. Сотни. И я в тюрьму напросился через одного тюремного начальника, сказал, что материал на книгу собираю. О нравственном бытии Российской Империи. Пустили меня к висельнику одному. Его повесить должны были, но перенесли исполнение приговора. Открыли дверь, предупредили, что, мол, если что... Дверь закрыли. Он сидит в кандалы закованный. Взгляд потух. Смотрит сквозь меня. Я на столе поодаль от него листы разложил, чернильницу. Манжеты надел. Думаю, какой вопрос задать. А он, не дожидаясь вопроса, и говорит: «Узнать вашбродие хотите, как я жену и своих детей на тот свет отправил? Извольте». И начал рассказывать. Спокойно, без эмоций. Ни один мускул на лице не дрогнул. Улыбается даже. Милый человек. Смотрю. Хороший. В Бога верует. И рассказывает о сем ужасном происшествии как о чем-то внешнем совсем. Как будто не в его жизни это произошло. Как будто он о соседе своем рассказывает. Я пишу, а сам понимаю – в нем, в душегубце этом, зла нет. Не он это зло. И вокруг него зла нет. Человек спокойно говорит, улыбается даже. Умиротворение. Я подумал, что, наверное, зло все в прошлом осталось. Там оно. Но если так, то почему его человека этого несчастного не выпустят тот час же? Зачем казнить его, и еще больший грех на душу брать? Повесят бедолагу, и что с этого? В мире зла меньше останется? Нет. Нравственный тупик. С философам тут с одним общался. Обсуждали мы с ним природу зла, и почему Бог зло это допускает. А мне философ. Бородатый, солидный господин, после поданных кофе и ликеров и говорит. «Видите ли, батенька, зло, как категорический императив, сложно отождествить с имманент-

ной сущностью Бога, но оно вполне конгруэнтно Вашему ощущению бытия». Если конечно я правильно запомнил и точно воспроизвожу. Да-с. Диковинный и страстный человек был этот философ. И напоследок он мне сказал следующее: «К попам только не ходите с этой, в общем-то, простой философской задачей. Попы окончательно всё в Вашей голове перепутают. В этом они непревзойденные мастера». Я и не хотел идти. Ведь любой священник, особенно православный, может только лишь цитировать священное Писание. Не более. На свои осмысленные выводы они не осмеливаются. Положение обязывает. Да и не принято это у нас. У нас тексты учи, заповедям следуй и вся недолга. Но зло есть, оно противоположно добру. Это и ребенок заметит. И если, логично предположить, что источник добра – это Бог. То источник зла – это значит человек. Кому же еще быть. И что есть зло. Зло – это сопротивление Божьему добру. Выставление препонов Великому замыслу Бога. Но во вне нас, зла нет. Это любой внимательный зритель заметит. Значит источник зла люди, а Сатана – внутри нас. Значит, мы и есть – коллективный Сатана. Значит, тело наше – это его частичка. А душа наша – часть Бога. Вот и борется душа с телом самой непримиримой борьбой. Бог с Дьяволом. И страшно мне стало. И понял я, что я и есть Дьявол. Я борюсь с Богом в неистовстве грехов и низменных желаний своих. И я желаю победы телесного над духовным. Плотского, мирского, развратного и грязного над пречистым. Я не на той стороне, где правда, Иван. И никого на стороне правды нет, никого. Он один против нас всех. И Он – прав. А мы не правы. Мы лишние в этом абсолютно чистом мире. Мире, где звучит постоянно ангельская хрустальная музыка. Где высшие эманации создают Вселенную. Мы по ошибке здесь. Заляпали все грязью. Застроили заводами. Зачадили трубами. Осквернили войнами. Мы должны уйти, добровольно. Ибо Бог нас не гонит, нет. Мы здесь для того, чтобы ощутить свое несовершенство, свою низость. Ведь Он нас так любит. Он отправил нас, как детей своих на заклание. Всех и каждого. Как Христа. Каждый должен умереть, в мучениях, в страхе. Без надежды на продолжение, в одиночестве, усиленном абсолютным безразличием окружающих. Укрепи же мой дух, не дай сойти с пути перед окончательной победой духа над плотью. Друзья мои смогли сделать все, как и должно. Друзья мои, я горжусь Вами и, как и положено капитану тонущего судна, последним покину его. Хотя я и полковник. Полковник... Вот опять начинаю ощущать боль. Боль – уйди. Как же тяжело выдержать это мучение. Как напряженно. Никакими словами не передать, Ванька. Какую муку я терплю вот уже несколько лет. Какую муку. За что брат? Ни с того, ни с чего на тебя набрасывается болезнь и начинает убивать тебя. Никакой силы воли не хватит, чтобы противостоять столь жуткой, столь всепоглощающей болезни. Дай я сяду. Мушки в глазах, пятна. Свет. Ваня. Я не чувствую ничего. У меня руки немеют. Холодно как. Разотри мне руки. Что это, неужто смерть? Неужто вот так? Непотребно. Исподтишка. Нет стой! Мне еще сказать надо. Мне еще минуток несколько дай! Я сказать Тебе кое-что должен. При Ваньке! Чтобы он слышал. Чтобы я, говоря ему слова эти, сам вник бы в их простую суть. Отпустило. Спасибо. Дай я встану на колени. Помоги. Слушай же меня! Я давно собирался сказать тебе это! Всё духу не хватало! Как можно сказать такое? Самому Богу! Итак... Слушай... Не могу, но надо! Всё. Вот. Я прощаю Тебя!!!! Сказал и легче стало. Дальше! Я прощаю Тебя за всё. За то, что ты создал такой прекрасный внешний мир! Но ты не спрашивал меня, нравится ли мне море Мертвое, например. Или. Почему у нас не два солнца? Не две луны. Я к главному сейчас приду, но мне издалека заход сделать нужно. Вот я и делаю. Я прощаю тебя за то, что Ты отправил меня сюда не по моей воле. А даже если и по моей? Какой у меня ТАМ был выбор? Я не помню. Я прощаю тебя за то, что я ничего того, что случилось до моего дня рождения, не помню. И что будет после моей смерти, я по большому счету не знаю. Только догадываться могу. И зачем жил на этой Земле, я так и не понял. Прощаю тебя за это. И за то, что так никого и не полюбил. Что счастья не увидел. Что в печали, страданиях и боли прожил я недолгую жизнь свою. И ни одно моя молитва не была исполнена. Хотя бы услышана? Ты меня сейчас слышишь? Подай знак!!! Нет. Тишина. Прощаю тебя за то, что ты... так все интересно обставил. Как будто тебя нет.

Вот. Слышишь? Я простил тебя. Тебе легче от этого? Мне легче. И я благодарен Тебе за это. Благодарю тебя за то, что ты создал такой прекрасный, такой совершенный мир. Благодарю тебя за то, что ты ни на секунду не оставлял меня. Всегда был рядом. Даже не рядом. Ты был везде. И снаружи меня. И внутри меня. Я благодарю тебя за это. За то, что всю мою жизнь преподавал мне отличные, утонченные, безупречные уроки. За то, что я их так и не выучил. За эту неизвестность и счастливое беспамятство. За то, что я так и не вспомнил, что было до моего рождения и за то, что я так, возможно и не узнаю, что будет после моей смерти. За то, что каждую секунду обучал меня искусству Любви, иногда очень жестоко. Но иначе ведь нельзя? Благодарю тебя за то, что ни одна моя молитва так и не была услышана. За то, что ты сейчас слышишь меня, смотришь на меня. И мне хорошо. И Тебе хорошо. Боль прошла. И опять надежда до следующего приступа. А еще врут, что на войне все болячки проходят. У меня вот не прошли. Но сейчас что-то во мне не хочет умирать, а хочет, как штабс-капитан Шарко бежать... Да не за что цепляться. Я ведь сам не знаю на кой мне жить. Рассмешить всех вокруг только. Давай Иван, палач ты мой драгоценный, добровольный. Только саблей. Не смей пулей. И мешок на голову не одевай. Хочу в глаза твои смотреть. И ты, будь другом, глаз не отводи.

– Не смогу я, Ваше Благородие. Святой истинный крест не смогу. В глаза то. Стыдно мне. Стыдно.

– Сделай, родной, для меня. Я вот тебе и крестик дам. Золотой. На, возьми. За него много денег дадут. Не отказывайся. А то и носи. Этот крестик и от пули, и от штыка. Да от всего. Ты пока его не снимешь – не умрешь. Я вон сколько лет... Лет. Столет... Маюсь. Возьми. Ты его всегда отдать кому угодно сможешь. Да и просто в озеро выкинуть. Если захочешь. Без последствий. Без... Возьми. Надень. Так. Теперь можно. Давай. На тебе мою саблю. Кровь... Любовь... Серебро... Золото...

Я смотрю в глаза тебе, вышвысокобродие. В глаза сильного, мужественного человека. Они у тебя голубые, как почти у всякого русского. Сабля в сердце легко вошла. Крови нет. В глазах вижу беспокойство, которое стало на нет сходить. Уходить. И вот совсем в глазах радость появилась. Все. Умер. Саблю обтер ветошкой, что лежала под ногами. Ветошку в карман положил. Тело полковника ударились об пол. Что мне теперь делать? Я чувствую жар по всему телу. Сердцебиение. А то вот как войдут сюда? Что мне делать? Ведь убьют сразу, разбираться не будут. То есть может и будут. Но сначала убьют. А потом разбираться будут. Как всегда в России-матушке. Что с глазами? Вижу пятна. Больше ничего. Пятна светящиеся. Слышу звуки. Что со мной? Господь наверно наказывает. За четыре смертных греха. Нет. Вернее скажу. За один четырехкратный смертный грех. И еще за сребролюбие. Глаза начал тереть. Вот ведь напасть. Как же всегда не ко времени все это. И ног не чую. Ноги отнялись. И сердце внутри. Бух-бух. Бух. Бух. Провалилось. Умираю тоже что ль? Бух. Бух-бух. Бух-бух-бух. Завелось. Отдышался. Открыл глаза. Пятна. Но кое-что проступить начало. Пол деревянный. Темный. Краской покрашенный. Грязь на нем. Травинки. Камешки. Щели большие в некоторых местах. Им бы пол, конечно, по-хорошему, перестелить бы. Стены и потолок побелены. На полу перед входом в горницу половик положен. У печки лежат мои боевые командиры. Неживые. «Как дело сделаешь, уходи сразу. Не подвергай себя опасности. Нас как найдут, так люди добрые и похоронят». Это мне полковник так сказал. Значит, тому так и быть. Может сапоги с них снять и в вещмешок. Сапоги то хорошие, яловые. Их за хорошие деньги потом можно будет продать. А побегу я все равно. Дезертиром стану, это решено. Вернее верного. С такими деньгами. Мне только один путь – на родину. В Вешки. А там разберемся. Там разберемся. Прости Господи. Но я их всех обыскиваю. Каждую складочку. Каждый кармашек. Вот у штабс-капитана часы. Именные, наверное. Написано на них не по-русски. Золотые. В карман. Так кольца обручальные. Легко снимаются. Господин полковник. Господин полковник! Что же с вами делать? У Вас вот кольцо не снимается. Маслом что ли каким смазать? Или мылом. Что

за бутылка стоит? Понюхал. Керосин. Не люблю запах керосина. Полил на руку. Растер палец керосином. Не снимается. Вот напасть. Убегать надо. Все я от них взял. Сапоги уложил. Вещи. Золотые вещи. Деньги, что мне полковник дал, я еще раньше под подкладку зашил. Обрез под шинель повесил. Знаки отличия сорвал. Документ мне писарь справил. Лесами. Лесами. Дойду. Ну, все господа. Земля Вам пухом. Так образа. На колени встал. Господи, Иисусе Христе, прости меня за грехи мои вольные и невольные. Прости... Встал, одел папаху. Выхожу. Оглянулся. Эх!!! Полковнику оно все равно уже без надобности. Другие снимут. Взял штык и палец полковнику отрезал. Прости. Прости ради бога. Не хотел я. Бес попутал. Кольцо какое. Отродясь такого не видел. Блестит в темноте. Как такое может быть? А одену я его. А что? Бросить его? Ай, красота! Померить только. Впору. Как на меня сделали. Я слышать звуки перестал. Уши мне что ли проткнули острым чем-то. Звук какой неприятный. Ну хоть не глухой я. Канонада. Или просто молотом огромным по земле бьют. И сердце ему вторит. Поесть надо перед дорогой. Разложил яйца, сваренные вкрутую. Хлеб. Картошечка вареная. Ах, хорошо перед дорогой, да картошечки. Соли нет. И запить нечем. А и не надо. Закурить самосаду. А потом пойду. Закрою глаза. Блаженство. Милая жена моя Алевтина Матвеевна. Свидимся ли еще когда-нибудь? Дети мои... Отец... Мать... Сестры... Один я у них... трава... Березки... Шило... Шью что-то... Не смотрите на меня господин полковник. Не смотрите. Кольцо Вам все равно без надобности. Кто другой забрал бы. Да Вам и палец уже без надобности. Какая разница Вам с пальцем или без пальца в земле сырой лежать? А я жив пока. Ну не смотрите. Стыдно мне. Так стыдно. «Поздно, Ванька. Что ж ты раньше не ушел? Теперь поздно». Смогло вроде. В хате тишина. Нет никого. Речь какая-то на улице. Не русская. Ох ты. Немцы. Фронт прорвали? Или разведчики? Попал. Если человек пять. Револьверы надо взять. Вот я дурья башка. Сапоги взял. А револьверы. Так, четыре. Полные барабаны. Только у полковника. Один выстрел он, по-моему, сделал. Два в карманы шинели. Два в руки. Застегнуться на все пуговицы. Стою, жду. В обеих руках револьверы. Никогда я с двух рук не стрелял. Шаги. Пот по всему телу побежал. Так, ни звука. И дышать тихохонько, как мышка. Шорох. Скрипит что-то. В темноте не видать ничего. К стене осторожно отошел. Вжался. Скрипнула дверь. Руки с револьверами по направлению к сеним. Дрожу. Господи спаси и сохрани. Сохрани и спаси. Кто-то в сенях медленно движется. Не могу думать. Не знаю, что делать. Ужас сковал тело. Присел. От напряжения руки сводит. Ничего не слышать. В проеме что-то ощущается. Кто-то что ли... Вглядывается. Шаг в горницу. Человек. С ружьем. В мою сторону пошел. Меня не видит. Как это сейчас происходит? Что за наваждение? Будто не я это сижу на корточках весь мокрый от пота. Неподвижно. И он, солдат этот. Неподвижно замер. Если выстрелю – всё. Прибегут остальные и тут такая потеха начнется. Ага. Увидел он меня. Кольцо на правой руке блеснуло. Сейчас стоит, рассуждает. Ну, если ты сейчас медленно начнешь винтовку с плеча снимать, я точно выстрелю. Так. Он это тоже понял. Стоит. Думает. Учащенно дышит. Главное не делать резких движений. Тогда все хорошо будет. Развернулся и медленно пошел к двери. Что делать? Стрелять? Нельзя же его так отпускать. Палец на курок надавил. Ещё чуть-чуть и выстрелю. Курок. Палец. Боек. Барабан. Патрон. Вышел он. Так. Сейчас или лимонку бросят, или забегут впятером и расстреляют в упор. Где подпол? Где же он? Где кольцо? Открыл крышку погреба. И пулей вниз, упал на мешки мягкие какие-то. Крышка хлопнулась. Звон стекла и оглушительный взрыв. Сверху на меня посыпалась пыль, земля, камешки. Лимонку бросили. Суки! Мешки подо мной тихо застонали. Люди. Наверху затопали, забежали. Выстрелы послышались. «Всё, четыре трупа». Русские. Так. Сейчас откроют погреб. Наверху отблески огня. Видать хата загорелась. Чего делать? Отполз. Да это дети. Мальчик и девочка. Я им пальцем показываю около губ – сидите тихо, ни звука. Они поняли. А пожар-то разгорается. Деньги все. Вот из-за денег в какую историю влип. Останусь живым, али нет, непонятно. Из погреба выхода нет, это точно. Наверху шаги, ходят, бегают, не разберу, что они там делают. Надо решаться. Или выходить наверх и стрельбу начинать, или здесь под землей себе пулю

в лоб пустить. Вот такая боевая обстановка. Но пулю в лоб, это ж как после всего того, что здесь произошло. Денежки, золото. «А ну, – шепчу детям, – если жить хотите. Открывайте подпол осторожно. Вылезайте медленно. Руки подымайте. И плачьте, плачьте. А я – за вами». Мальчишка сообразительный оказался. Быстро открыл крышку погреба и со словами «Дяденьки не стреляйте» с поднятыми руками начал медленно подниматься из подпола. А за ним и сестренка его побежала. Я за детьми присматриваю, выглядываю. Дети в проеме исчезли. Я быстро, как чертик из табакерки раз. И обоих врагов вижу. Одного и второго. Револьверы прямехонько на них направлены. Бах-Бах. С двух рук. Оглянулся, а больше никого в хате нет. Прислушался – тишина. Только дети на полу плачут. Всклипывают и мальчишка своим телом малышку прикрывает. За окном ни звука. Только снег все валит и валит. Да огонь разгорается, готовится стать настоящим пожаром. Мое все при мне. Я детей с пола поднимаю. «Не бойтесь, душеньки, теперь у вас все хорошо будет». Подталкиваю их к двери. Выходим. Давайте. Снежок падает. Тишина. Благодать. Воздух свежий. Жить-то как хорошо, Господи. Я детям помог теплее укутаться.

– Вас как звать?

– Меня Ванька. А сестренку – Машенька.

– Ванька. Тезка значит. И меня Иваном. Зови меня просто дядя Иван. А где родители ваши?

– Мамка умерла. Мы одни здесь. Все ушли. Мы картоху сырую едим, – Маша плакала.

– Пойдем зайдем куда-нибудь, погреемся. Я вам заодно хлеба дам.

Детишки побежали впереди меня по хрустящему снегу. Я поспешил за ними. Думал, что делать мне с ними. Со свалившейся на меня обузой. Потерял я их из виду. Стал оглядываться по сторонам. Высматривать их. Как сквозь землю провалились. Пострелята. Оглянулся. Огонь разгорелся. Здоровенное пожарище. И огонь на соседей перекинулся. Ветер сильный подул. Сгорит, всё сгорит.

– Дядя Вань, давай быстрее сюда, а то Машенька кушать очень хочет, плохо ей совсем.

Я зашел в хату. Снял вещмешок, развязал его полностью и, порывшись, вынул хлеб. Отломил два куска и отдал детям. Они начали его жадно есть. Мне не хотелось, и я затащил самосаду. Сижу, курю. Думаю думаю. Что мне с детьми делать? С собой я их не возьму. Оставлять их... Помрут. Хоть так крути, хоть сядь, все равно негодно получается. Плохо не по-христиански. Мысль ужасная в голову лезет. Ужасная, но естественная, в продолжение всего того, что только что тут сотворилось. Ладно. Этого я точно не сделаю. С грехом таким непосильно мне жить будет. Горький ком к горлу. Как же это я подумать о таком мог? Пес я пес. Каяться всю жизнь буду. Кающийся злодей. Не отмолю. Нет. Нет.

– Дядя Вань, а ты что плачешь? У тебя тоже кто-то в войну умел?

Лапочка. Буковку «р» не выговаривает. Подошла. Волосы беленькие, глаза голубенькие. Крошки хлебные по всему личику. Подошла, гладит. Я обнял ее, сам плачу уже не стесняясь никого, по головке светленькой глажу ее. Ванька тоже подошел, стоит, смотрит на меня. Глаза на мокром месте. Как же они мне детей моих напомнили. Милые, любимые. Война меня совсем без сердца оставила. Превратила в сурового, безжалостного солдата, для которого убить человека, что плюнуть. Ах ты чтоб... И ведь убивал, не думал, что живые люди передо мной. И их вот хотел. Милые мои. Не плачьте, не бойтесь. Дядя Ваня вас в обиду не даст. Машенька. Ванечка. Поцеловал их. Слезы утер. Шум за окном. Всадники проскакали. Нас не заметят. Мы огонь не зажигаем. Печку не топим. Не шумим. Поди ж ты найди нас. Холодно зато конечно, но мы сейчас укутаемся. Надышим. Вроде щелей нет, холодом с улицы не тянет. Я положил на печь мешковину, уложил детей, накрыл их шинелью.

– Вань. А вы в подполе долго просидели?

– Нет. Не долго. Мы сразу до того, как вы с дядьками зашли... Мы бежали от вас, испугались. В подпол нырнули. Всё слышали... Ты зачем их убил? Шибко попросили?

- Да Вань. Шибко попросили.
- Как так? Грех же это.
- Ты спи, спи. Вон Машенька уже второй сон видит.
- Ты с нами... Теперь ведь ничего больше не случится?
- Не случится. Спи.

Спят, мои дорогие. Носики сопят. И не холодно. Сяду, покурю. Подумаю. Помечтаю. Вот прихожу я с ними домой в Вешки. Иду. Ванька меня за одну руку держит. Машенька за другую. И идем мы по дороге прямо к дому. Вижу, стоит Алевтина Матвеевна. А вокруг вишня цветет. Все белым бело. Май, значит. Запахи. Война, стало быть, закончилась. В семье у нас мир и достаток. Только, как же я с ними пойду в такую даль. Я, сам-то, подумал, как доберусь, все спланировал. Но один. А с ними я не дойду. Ну не получается у тебя Иван. Если правильно... Жаль их. А меня не жаль? А жену мою? Всех жаль. Зря я расчувствовался. Нельзя так. Война вон. Если поймают, то и расстрелять могут. Ежели под горячую руку, али чего... А коли война не кончится, как я ораву такую прокормлю. А и спросят меня, откуда, мол, дети. Да и Ванька понятливый, видел все. А ну как расскажет. Вот и выходит я намерениями своими благими вымостил себе и им дорогу прямо в ад. Господи, за что мучаешь? Ежели ты есть. Укрепи. Подскажи. Посоветуй. Что делать? Молчишь. Всегда молчишь. Не хочешь разговаривать с защитником веры православной христианской? Ну, твое дело. Вы ведь все... Все меня бросили. И их бросили. Их то, за что? Ведь нет в них, в ребятишках этих, никакого греха. Не первородного, никакого. За что ж им это? Где же справедливость? Нету её. Но если нет справедливости, то от меня тоже не ждите. Ничего хорошего от меня не ждите. Лучше б я одноногий пришел домой. Тогда бы зато с чувством выполненного долга. С крестом на гимнастерке ходил бы. Жил бы. Уважали бы меня. И спрос с инвалида маленький. Жизнь у него ровная и простая. На своем месте. Так. Вздремнуть бы, да сон не придет. Вишь, как разволновался. А придется подлый поступок совершить. Если только подлый, а вдруг и губительный? Но с другого боку, если б я их не встретил. Так бы они здесь и маялись бы. Так бы и ходили, пока с голоду не умерли. Я никакой не спаситель. Моя хата с краю. С краю. У всех хата с краю. Пойду тихо под утро. Никого не разбужу. Шинельку возьму. Да как же я шинельку то возьму? Ведь я ж их прикрыл. О да они как в нее закутались. Без шинельки нельзя. Что ж за напасть-то. Не смогу я им в глаза смотреть. Не смогу. А шинельку забирать буду – разбужу. Не смогу объяснить. Ничего объяснить не смогу. Решай вопрос. Решайся. Я не знаю, что делать. Знаешь. Не знаю. Знаешь. Я не могу. Можешь. Вопрос вот как ребром стоит. Или ты, мил человек живой остаешься и мелким шагом по-тихому до дому добираешься. Либо погибаешь с обузой этой неизбежно. Выбор. Они все равно не жилицы были. Ты же знаешь. Или с голоду померли бы. Или с холоду. А может, кто найдет их и в санитарный поезд сдаст? И шинельку мою заберет, однако. Решиться не могу. Если я их сейчас заколю, то все в крови испачкается. Подозрение вызывать буду у посторонних людей. Значит надо их разбудить. Шинель забрать. А уж потом их на тот свет отправлять. Нет. Шинель заберу, скажу, что на разведку пошел. Оставляю их здесь и не вернусь боле. Факт. Так и сделаю. Просыпайтесь, скажу, родные, дядя Ваня сейчас на разведку сходит, осмотрится все честь по чести. Подошел к ним. И тихохонько начал шинельку свою тянуть. Тихо, тихо, вот, так. Освободил. Машенькину руку. Не проснулись. Вот удача-то. Одеся, застегнулся на все пуговицы. Взял вещмешок. Вышел на улицу. Вдохнул полной грудью морозный январский воздух. Как будто заново родился.

4 января 1990 года

А Вы помните, как начались восьмидесятые? Ну, вот конкретно 1 января 1980 года, что в Вашей жизни произошло сразу после поздравления с Новым Годом Генерального Секретаря Коммунистической Партии Советского Союза Леонида Ильича Брежнева и двенадцатикратного боя кремлевских курантов? Не помните? А может быть это важно. Что почувствовали? Ветер перемен начал дуть уже в окна, проложенные в щелях ватой и заклеенные поверху бумагой. А южнее степной ветер бесснежный уже пел вам песни про великое пробуждение ото сна почти векового, оболваненной и притихшей от этого страны. Много ли было выпито, мало ли. А ведь кто-то и не пережил эту дату сакральную. А кто-то и родился в этот, где снежный холодный, а где и теплый вполне, день или эту ночь. И началась его жизнь под плановым пятилетним, задолго до него раскрашенным алым небом. Никто не задумывался о будущем, грядущим неумолимо и страшно. Никто не подстилал соломку, чтобы упасть мягко и безболезненно. Тишь да гладь в стране нашей, звездой Ильича отмеченной. То ли пятиконечной, то ли шести. Одной шестой суши мы продолжаем все еще идти к победе коммунизма, в коммунизм не веруя. Безднадежно приготовились врезаться в неизбежность. А затормозить ну никак нельзя. Тормоза отказали. Да еще и под горку едим. Эгей! Рулевой уснул еще года три назад. Да так и не проснулся... Ну, рулит еще пока. Вот опохмелилась страна. А третьего на работу. А какая от этого здоровью польза? Ведь нашему человеку, сколько не дай отдыхать – все мало. Всегда и всего мало. Зарплата маленькая. Водка вон вообще три-шестьдесят-две. «Дорогие товарищи». А по радио Кобзон и Пугачева. А на Западе и «Айрон Мэйдэн» уже и «Ай-Си-Ди-Си» всё ещё. По телевизору Дорогой Леонид Ильич и Вперед К Победе Коммунизма, изредка прерываемые «Иронией Судьбы...». Жить же было хорошо. Всего хватало. Без излишеств экзистенциальных, но и не голодали. Летом к морю, на Новый год – мандарины. Пиво с восьми утра всегда было. Если уж очень тяжело – ну потерпи до 11.00, магазин откроют. И вслед за музейными завсегдатаями к прилавку. Можно и на работу. А можно и в кино, если студент или школьник и ПТУшник. Спокойно. Патриархально. Все по местам. Всё по местам своим. Застой, вы говорите. Болото вы ощущали. Затягивала трясина серости. Рок в подполье. Кровавое КГБ. Голос Америки практически не слышен. А может они и не сильно кричали. Может шепотом шептали, а мы им – глушат. Не дают глотнуть свободы. Да подождите вы. Насладитесь моментом. Дружба – народов. Пятилетку – досрочно. И во главе страны – добрый дедушка. В полусне. Мечта. Вы так больше, скорее всего, никогда не будете жить. А то им, видите ли, надо, чтобы группа «Скорпионз» к ним приехала. Медляков наиграла. А кто группу Скорпионз в восьмидесятом-то году знал? Вопрос. Может, кто и знал. Кто хочет поменять ее, группу эту, на гарантированную буханку хлеба? Да меня никто не слушает. Этот огромный муравейник, называемый почему-то СССР, копошится в собственных кашках, простите экскрементах, и не думает, не гадает о будущем. Да и будущего, как такового, еще и нет. Так в головах у пары ЦРУ-шников. Но есть план. Ребята. Главное – это план. Пункт первый. Пункт второй. Сроки. Результаты. Ответственные. Есть цель, которая одета в план, который идеально подогнан под цель. Все лишнее убрали, никаких эмоций. Мы-то работаем, а вы? Наслаждаетесь жизнью. Ага. Армия и Флот не пропустит. Ядерный щит и ядерный меч. Понятно. А головы не защитили. Души тоже как-то... Пламенные комсомольские наивные сердца. А меч уже занесен. Ох, будет, будет потеха. Березки. Старая Москва. Питер не Москва. Комсомольские стройки. Любовь. Весна. Поцелуи. Минет – лучший подарок. Нажрались. В. Дым. Блевали. Менты. Суки. Приехали. Пятнадцать. Суток. Выгнали из комсомола. Армия. Афган. А война уже идет. Мы с афганскими товарищами противостоям в нешуточной войне зубатому империализму в союзе с моджахедами кровавыми

всех стран объединившимися. Смерть потихонечку вползает в наше счастливое детство-юность-зрелость-старость. Стреляют из автоматов. Цинковые гробы. Знакомых загребают в Афган. Сами думаем, как бы откосить от армии. «В пятидесятых-шестидесятых не служить в армии было стыдно. Тебе бы руки не подали». За Родину! За Сталина! А сейчас за кого? За Брежнева что ли? Умирать за коммунистические идеалы? Стремно. По пивку. Из автоматов. За двадцать копеек – чуть меньше кружки. Баранки еще соленые. И ничего не предвещало. Не предвещало чего? Того. Восьмидесятых. Сразу стало понятно, что не все так сладко, как грезилось. Что под синтезаторные завывания западных разрушителей коммунизма – рокеров новой волны все пойдет не так. Потом умер один человек. Потом другой. Потом Высоцкий. Джо Дассен. А далее и вовсе Леннона убили. Праздник закончился, начались суровые трудовые будни. А семидесятые все еще догоняли романтизмом длинноволосым. Музыкой, танцами, фильмами. Мы ж всегда от непрогрессивного человечества лет на пять отставали. Поэтому у нас в восьмидесятом всю еще царил семьдесят пятый с клешами-хипами. Но люди умирали и не только на войне. Еще не проявился, штурмом взявший нашу страну на абордаж «Ай-Си-Ди-Си». Но вот-вот проявится. Вот, вот на стенах наших любимых пивных начнут писать. Недобрые иностранные слова. А про Олимпиаду и вспоминать не хочется. Провели, предварительно очистив территорию от населения. Детей в пионерский лагерь, студентов в строительные отряды. Комитетчиков и прочую партийную шушеру на стадионы. «До свидания наш ласковый Миша...» А что в мозгах у отлученных? Кроме стремительно падающей веры в партию. Анекдоты про Ленина. Святотатство. Про Брежнева. Смешно. Да про обоих смешно. Их сместили с олимпийского пантеона медленно. Эй, ухнем, эй, зеленая, сама пойдет. А вокруг. Смотрите, телочки какие ходят. Юбочки коротенькие. Стрижечки сассон. Молодые. Хотящие, зовущие. Стесняешься? Выпей. Предложи ей сигарету. Она закурит – не ссы. Курит – значит даст. А где? Не важно. Чуваки, айда к Коле! У него хата свободная. Девчонки идите ко мне, я иностранец! Два портвейна – пиво. Сигареты «Космос». «Чингизхан» с «Бониэмом». Иди сюда. Соси! Потом пьем на кухне. Спор. Кто лучше – «Дип Парпл» или «Лед Зеппелин». Слушай, да твой Блэкмор вообще играть не умеет. Вот Пэйдж. Кто? Да что вообще умеет твой Пейдж? А Гилан? Он вообще петь не умеет. Кто петь не умеет, Гилан? Да у него диапазон три октавы. А у Планта. Пэйс лучше Бонэма. Не смейся мои туфли. Черт безрукий. А что Лорд. Мои и без органа играют как боги. А твои без органа вообще бы не слушались. Ну как повтори, что ты сказал! На, сука! Мальчики, не ссорьтесь. Петя уберу ноооож... Наутро опять лучшие друзья. Под гитарку «Новый поворот» сбачаем. Или «Куда летишь, ночная птица...» с надрывом, со слезой в голосе. С этой непонятной гласной при подвывании, то ли «а», то ли «о». Дискотека. А тут опять Новый Год! «Дорогие товарищи! Поздравляю вас с Новым годом!» Салат оливье, селедка под шубой, водки, бутылок восемь. Два «Салюта». Трехлитровая банка томатного сока. Нарезки. Мясо так никто и не попробовал, а я так старалась. Да ладно Танюх, классно вчера нажрались. А ты скотина, вообще молчи! Ты на мое платье полбанки томатного сока вылил. Ха-Ха. А чего вчера было-то? Лучше не спрашивай. Я не сильно хулиганил? Пришлось тебя на улицу выводить. Зачем? Достал потому что в квартире блевать. Вон смотри куча какая. На улице хоть в себя пришел. Ну, думали – всё. Лег на кровать. Я слышу. «Уэ». «Уэ». Повернул тебя к стене. И вовремя. Потому что ты – «У-ээээээ». Круто нажрались. А я вчера Светку трахал! Сереж, ты чего дурак? Совсем больной. Встает. Одевается. Уходит. Обиделась. Что-нибудь осталось? Нет. Побежали быстро за пивом. Тук-Тук. Хэй. Бип-бип. А война, как вы думаете, будет? Да вроде все к этому идет. Помирать не хочется. Если все ракеты взлетят, то все, крышка. Но хоть не обидно. Все помрем, никого в живых не останется. У нас десять тысяч боеголовок, у Америки десять тысяч боеголовок. Вот и военрук наш, герой войны, говорит. Ребята, готовьтесь, через три года, максимум, начнется война с американцами. А мы сидим, слушаем, головами киваем. А ночью просыпаешься с замиранием сердца, когда слышишь,

как пролетает самолет в небе, прислушиваешься, думаешь. Не межконтинентальная ли летит, не баллистическая ли, не ядерная ли ракета? Нет? На этот раз пронесло. Но мы готовы. Броня крепка. Эрекция стойкая. Девчонки. А вы готовы? Если война вдруг? Все готовы. В школе тир. Раз в неделю. Стрельба из мелкашек. Попадаем в яблочко, как здрасьте. Автомат Калашникова разобрать за сорок секунд сможете? Сможем. А собрать? Ну, ты спросил. Газы! Противогаз одел. Готовься к службе в армии, сынок! Будешь Родину защищать, как деды наши, как отцы? Отцы и деды, защищавшие Родину когда-то. С сознанием выполненного долга, развлекались не на шутку. Сидели в пивнушках, выпивали на улицах, их толпами отвозили в вытрезвитель. Прорабатывали на партсобраниях. Кого можно было. Ребят, а вы где учитесь? Молодцы. А я в МАДИ учился. Сейчас мы работаем на секретном заводе. Ракеты делаем. Средней дальности. Тссс. Вот зашли после рабочего дня обсудить, так сказать, производственные проблемы. Водочку будете? А что это парень-то ваш не пьет? Болеет. Язва. Так выпей молочка. У меня вот есть. Домой купил. Бери. Да что ж ты в кружку льешь! Дефицит же. Прямо из пакета пей. Сейчас помою и пивка принесу. Ну, будем, студенты. А это кто? Тоже Ваш? Чего ты портвейн принес? Денег нету. Эх, студенты, студенты. «Ви донт нид но эдьюкэйшн!» У нас на первом месте футбол, пиво и девчонки. Строго в таком порядке. Летом в стройотряды. Возьмем мастерки новые и за два месяца построим коровник или там пилораму какую, на худой конец. Выложим из кирпича магическую цифру 1981. Чтоб знали, в каком году это сооружение было построено. А кем? Да столь ли это важно? Народом. Студентами. Личностями. Со своими любовями. Тараканами в голове. Осенью перемещаемся со всем вышеперечисленным багажом на картошку. Месяц не учимся. Золотая осень. Мешки с картошкой. Дождь. Листопад. Солнце. Запах листьев осенних. Водка вино потанцуем. Наташа. Я люблю тебя. Я всегда любил тебя. Как только увидел на первом курсе... Я... Ты такая красивая... Что ты молчишь? Скажи что-нибудь. Знаешь, мужчины твоего типа, не в моем вкусе. Всё. Как же так? Как так может быть? А я? Но, может быть, у меня есть шанс? Шанс есть у всех. Капля камень точит. Ты же знаешь? Да. И выпорхнула, как птичка из моих объятий. Только ее и видели. Глазом не успел моргнуть, а уже зима. До дорогого товарища уже многие не дотянули. Играет «Би Джис». Поют тоненькими голосами. Танцуй Москва. Танцуй Ленинград. Танцуй Кавказ. Танцуй Сибирь и Дальний Восток. Танцуйте наши маленькие азиатские братья. Танцуй Прибалтика. Сколько нам еще осталось? А может завтра пролетающий мимо метеорит прикажет нам долго жить? Пей шампанское, водку, пиво. Дерись – матерись. Выгонят из комсомола – пойдем на войну. Это есть наш последний и решительный бой! Бой курантов. С Новым Годом! Как надоело орать. Может стоп? Может хватит? Достали все! Остановитесь! Русь тройка, мать твою! Хорош орать! Давай выпьем! За новый поворот! Она не любит меня! Ну, что ты плачешь? Посмотри, сколько баб вокруг. Она меня не любит! Зато тебя Катя любит. Кать. Ты меня любишь? Еще как. Пойдем, потанцуем. И вот уже Донна Саммер поет – Ай фил ЛЮОООООВ. А-а-а-а! Не ори не бей посуду! Будем орать! Будем бить посуду! Будем вешать коммунистов! На кол! Всех на кол! А девочки? Нах. й девочек! Вина!! Вина!! Давай нальем в ванную шампанского и искупаемся все. Да у нас и шампанского нет. А что есть. Пиво. Давай нальем пиво в ванную и искупаемся все. А завтра? А что завтра. Завтра не бывает. Слышал? Не бывает. Давай пива просто выпьем. После водкишампанского и вина? Да. А что такого? Да ничего. А ты знаешь, что индусы верят, что, если ты даже комара убьешь. То все. Душа твоя погибла. Совсем. Нет, так не бывает. Каждое живое существо, хоть когда-нибудь, кого-нибудь да убило. Я комара, например, убил. Все что ли, душу свою навсегда потерял? Нет, искупить можно. Постом и молитвой. Мантрами и мудрами. А это что? Не знаю, но мне один человек интересующийся в «Пиночете» рассказывал. Он сильно нетрезв был. Буддисты такие особенные люди. Да. За них. За родимых. Ребята, давайте мы вас полюбим? Давай ТанюхаМаринаКатя. «Минет лучший подарок». Как было написано в туалете нашего института. Так это я написал. Молодец. Хорошо проводим время. Как говорится, жить стало

лучше, жить стало веселей. Но вы к нам в Ленинград из Москвы лучше не приезжайте. Бить будем. А куда лучше приезжать – во Фрунзе, столицу Киргизской ССР? Или в Прибалтику? К кому куда не приезжай, местные гопники завсегда дадут, отвалят и отоварят. Дружба народов. Кавказско-прибалтийско-азиатская дружба народов эсэсэрии. На том и стоим, так и живем. «Ленина в Октябре» смотрим. Песенки поем. Ну а песни непростые, в них слова все матерные. Небоскребы-небоскребы. А я... Все культурные евреи уехали в Нью-Йорк. Нет, не все! Остались еще для подрывной деятельности, не зря им в МГУ поступать не разрешают всем. Нет, не всем, и не только в МГУ. Им, евреям, никуда не разрешают поступать. Слушайте ребята, а вот так, как мы пьем, мы можем до белой горячки допить? Нет. Не сможем. Для белой горячки надо водки больше пить. А мы пиво. Айда на речку. Купаться. Пива еще возьмем. И... Попробуем вспомнить, что вчера было. Я ничего не помню. Вот вчера лето было, тепло, солнце. Уснули где-то. Деньги были. Кеды. А сегодня. Денег нет. И вместо кед, кроссовки на два размера меньше. Откуда они? А это кроссовки нашего комсорга, Сереги. А он как с нами? После комитета комсомола встретил нас и пошел с нами кружечку пивка выпить. И чего? Выпил. А потом плакал около плаката «Вперед, к победе коммунизма!» и пел гимн Советского Союза. «Союз нерушимый республик свободных...». Тсссссс. «Под крылом самолета о чем-то поет зеленое море тайги». И в результате что? Ничего. «Умер Леонид Ильич Брежнев». Помер. Вот это номер. Такое счастье в нашей стране последний раз, если мне память не изменяет, было в Пятьдесят Третьем. Тогда вся страна в едином горе, в едином порыве пошла оплакивать Вождя и Учителя. А еще раньше в Двадцать Четвертом еще одного Учителя и Вождя. Традиция намечается. Что делать? Плакать. Скорбеть. Или поэму написать? Слушай лебединое озеро и прогуливай школу, школьник, плачь у станка, рабочий. Крепче за баранку держись баран. Чего-то какое движение непонятное, хождение, разговоры. Нездоровый смех. Некрофилия. Вся страна полюбила мертвого Ильича. И готова была простить ему все. Застой. Афган. Коммунизм-социализм. Сосиски сраные сиски масиски. Спи спокойно, дорогой наш товарищ! Мы возьмем в свои крепкие, мозолистые руки знамя, выпавшие из рук наших мертвых товарищей. И продолжим бить буржуев, которые понаехали на похороны Дорогого Леонида Ильича. Из уважения к ядерному щиту Родины. Так то. Тэтчеры, Рейганы. Доконали человека рейгономиками разными. Звездными войнами и прочими гадостями... Ох, вы ответите за это перед советским трудовым народом. А мы ответим на ваши ПРО своим ассиметричным ответом. Трепещите. И Вождь у нас новый появился. Юрием Владимировичем все зовут. Андроповым. КГБ у власти. Он вам, да и нам покажет кузькину мать. Работать всех заставит. Рейды по пивнушкам да по кинотеатрам проведет. Покритикует застой. Планов, как водится, громадье напишет. И прочитает. Да не так как Дорогой, а с чувством, с толком, с расстановкой. И народ с облегчением скажет: «Какой хороший человек, настоящий ленинец!» Но враги не дремлют. Заразили вирусом злодейским неокрепшие души. И вот уже нацисты среди нашей молодежи появились. «Наци». Следом панки подтянулись. Виски сбрил – панк. Булавку приколот на майку – панк. Зашевелились. Заелозили. Но доблестная милиция и КГБ не дремлет. И очаги эти в зародыше – бензином. Дубинкой – на! Сапогом – с ноги. Со временем все как-то успокоилось. Подзабыли даже, кто там у нас наверху. Чем они занимаются. Работаем, учимся, живем. Жизнь опять хороша. Водка появилась «Андроповка». Подешевле. Все для народа. Все для населения. Все для людей. Рабочие с крестьянами и передовой интеллигенцией очень довольны. Да и войны никакой, вроде, как и нет. Но враги вокруг, как всегда. Кольцом сжимают наши необъятные просторы. Да ну и хрен с ними. Мы ведь как вмажем. Вмазали. Закусили белым хлебом. Батон привычно ломается сильными руками. Хорошо как. Завтра первое сентября. Но тревожно как-то. Всегда тревожно. Поводов нет. Телевизор посмотришь. Рай на нашей земле советской. А все равно тревожно. Почему? Не можем сказать. Предчувствия нехорошие. Что-то начинает не так работать. Что-то ломаться в жизни нашей начинает. Разваливаться. Разламываться

на части. Отчего? Марксизм что ли плох? Или может быть, Бог есть? Или может капитализм не загнивающий, а вовсе наоборот? Нет ответов на эти сложные вопросы. Поэтому не думай, заливай шары. Бей режь грабь воруй. Нам все равно, что будет. Нежили богато... Как там дальше? Не знаю. Надо домой. В метро не пустят. Менты заберут. В вытрезвитель. Потом телега на работу. Вот спортсмены бегут. Молодцы не пьют. «Ребят, «Динамо» бежит?» «Сейчас договоришься.» «Чего, чего ты сказал? А ну стоять! Я сказал стоять!» Понеслось. Махач. Махач мы любим. Солдатский ремень с заточенной пряжкой. Кастеты. Ножи в ход. Кирпичом по голове. И ногами, ногами. А один у них ничего так. Каратистом оказался. Ноги одни в ход пустил. Удар. Подскок. Удар. Ки-я!!! Еле ушли, слушай. Ну, пока пацаны. До завтра, друзья. Жаль водку не допили. Пошли спать. «Спокойной ночи малыши» пропустили. Ну, ничего. Спокойной ночи, мои маленькие друзья. Спи, спокойно, страна. Андроповские соколы зорко охраняют твой покой. Баю-бай. А что снилось тебе в ту ночь, страна? Самолет. Ночь. Ракета. Продолжил. Свой. Полет. В сторону океана. Ха-ха. Смешно. Юмор советских газет. Но люди погибли? Ни в чем не повинные люди. Вот представьте себе. Летите вы в самолете. А пилоты по каким-то непонятным причинам заплутали. Приборы у них не работают, или что. Неважно. У пилотов в голове всякая фигня. Они думают о чем угодно, но только не о смерти. Memento more. Так и не научили. А если б думали, может внимательно на приборную доску смотрели, по сторонам глядели, слушали диспетчеров. Ответственность за пассажиров. Бери больше. Ответственность за все. За всех. За всю Вселенную. Как надо вести себя с этих позиций? Осознанно. Или сознательно? Никак они себя не вели. Пуск. И все. Конец фильма для некоторого количества корейцев. У нас, в СССР не так трагично это воспринималось. С точки зрения геополитического противостояния двух систем. Еле выговорил. Молодцы наши летчики. Как жажнули. Как жажнули. Жахнем! Жахнем! Жахнем! Ура. Наливай. Не могу. Тошно. Тошнит. Вкус этой водки поганой не могу больше переносить. Выпей «Кавказа». Покорители Эльбруса встречаются с покорителями «Кавказа». Простите, а покорители «Кавказа» это кто? Это мы, батя. Наливай. А не во что. Тогда из горла. Вкус «Кавказа». Потеряем мы это народное достояние и, увы, навсегда. Вкус сладкий, тошнотворный, стакан выпьешь, а он назад просится. Секреты его производства, охраняются лучше, чем секреты производства «Кока-кола». Стоишь в парке, выпиваешь. Первая бутылка пошла. Вторая. «Кавказное» опьянение, оно особое. Мутное. Основательное. Скажем так. Тотальное. Осенью – осеннее. Весной – весеннее. Особое. Денег только мелочь осталась. В пивнушку пошли. А потом расходимся, как зомби. Вот один стоит около дерева, держится. Приседает. Падает. Потом встает, опять хватается за дерево и винтами. Винтами. Запрыгнул в трамвай. Доедет ли? Конечно, более трезвые товарищи должны провожать более пьяных. И даже до дома, даже до двери в квартиру. А где их сейчас возьмешь более трезвых? Вон один блюет около входа в пивняк. Милицию дожидается. Второй пошел пописать в туалет, не дошел, упал, не дотянув каких-нибудь двух метров. Все его спокойно обходят или перешагивают. Третий и четвертый идут в обнимку вдоль дороги, песни орут. Прохожие от них шарахаются. А пятый сел в такси из последних сил промямлил адрес и уснул на заднем сиденье. Откуда такие деньги? Товарищ? Товарищ! Проснитесь товарищ. Ну, просыпайтесь же. Такой праздник ведь. С Новым Годом! Как с Новым Годом? Я же только... Ну, да, двенадцать часов. Да вы не расстраивайтесь. Я один раз уже Новый Год в метро встречал. У меня вот сейчас с собой бутылка шампанского есть, давайте выпьем. Фу. Из горла, теплое. В нос дало. Из носа полилось. С Новым Годом! Как встретишь Новый Год так его и проведешь. Так у нас из года в год одно и то же. Как не встречай. На океанских островах все равно не дано. Так либо дома, либо в общаге, либо на природе. Вот еще одно место нашел – в метро. Вышел на улицу. Куда идти? Не помню. Память потерял. Где спать? Бошка трещит. Спал в подъезде. До вечера. Потом проснувшиеся и еле-еле кое-как передвигающиеся жильцы с красными, злыми лицами выгнали на мороз. Холодно. Когда же лето? Скоро. Но не все дотянут. Не все доживут. Вот

и Юрий Владимирович чего-то дальше не захотел с нами коммунизм строить. Помер. Стыдно, товарищ! Бросать нас вот так на полпути. И на кого ж ты нас оставил? Роденький наш. На какого лиходея? Вот на этого? Да он скоро тоже того. Фью-фью. Ага. Интересы партии. Интересы Родины. Благо народа. Он лучший. Понимаем. Вам виднее. Да мы же год от года лучше живем. Все есть. Два сорта колбасы. Два сорта сыра. Хлеб черный. Хлеб белый. Одежда, без слез не взглянешь, есть в магазинах ведь? Голые не ходите? Босые не ходите? Крыша над головой есть? Мы вам говорим, указываем, что можно, а что нельзя читать. Какую музыку можно слушать, а какую нельзя. Вот вам и списочек запрещенной музыки заодно. Читайте, ознакомьтесь. Распишитесь. А если кто вдруг случайно по недоразумению вдруг услышит эту музыку неразрешенную. С ним что? Как что. Расстреляем. Со всей большевистской строгостью и принципиальностью. Страшно? Да ладно-ладно. Расслабьтесь. Шутка. Ну а если серьезно, скажу, в нашей стране таких случайностей быть не должно. Поэтому. Развивайте в себе эти качества строителей коммунизма – ответственность и дисциплина. Дисциплина и ответственность. А внутри должно биться жаркое комсомольское сердце. Аплодисменты. Все встают. Поют «Интернационал». Никогда мы еще не были так сильны! Никогда еще реки наши не были так полноводны, никогда еще поля так не колосились. Нефть никогда таким мощным фонтаном не била из скважин. Броня никогда не была так крепка. И соответственно, танки наши быстры. Догоним и перегоним Америку! Разбомбим Европу! До Берлина за восемь часов. Трепещите! А вы не устали? Устали. А что делать? Родина. Мать. Зовет. Идите обедать! Суп стынет. Пришли. Мама. И вы туда же. Зачем вы водку достали? Да, по сто грамм не повредит. Еще две? «Издалека-долга, течет река-Волга...» Спасибо мама, спасибо папа. Сынок, ты за рулем осторожнее. Да что там. Нам море по колено. Первый раз что ли? Еду-еду. Поберегись! Совейский рабочеколхозник домой на ЗИЛе едет. Это вы меня не в тайных лабораториях вывели. Это меня жизнь так воспитала. Улица. Школа. Армия. Комсомол. Мама. Мама! Мама-ааааа... И на кого ж ты нас покинул. Сокол наш ненаглядный. Третий раз подряд за три года хоронят нашего дорогого Генерального Секретаря нашей могучей, родной до хруста в костях, Партии. Уже всем стыдно. Уже все глаза отводят, смущенно так. Не повезло. Старые больные люди. Что мы могли сделать? Лучшие врачи. Лучшие лекарства. Вот. Все что могли. Виновные будут наказаны. Кто??? Враги социализма. Вот кто. А сейчас вы кого поставите? Опять старика? Нет, ну как вы могли такое подумать? Нет, вот вам. Михаил свет Сергеевич. Нравится? Вроде ничего. Пятно родимое, конечно не очень нравится. А получше у вас Генеральные Секретари имеются? Да он хороший. А что молчит? А сейчас мы кнопочку тайную нажмем. «Дорогие товарищи, мы должны углУбить наши достижения в области экономики... Перестройка. Гласность. Плюс ДемократизацияВсейСтраны...» Ну как Вам? Вроде... Ничего... Нормальный мужик. Мы – за. Все сто процентов. Даже неродившиеся дети. Даже те, кто не ходит на выборы по состоянию здоровья. Им приносят. Слышите? У-у-у-у. Что это? Это ветер перемен, сынок. Хотели перемен? Хотели подпольного рока? Вот вам. Но... Чтоб больше не жаловались. Теперь вся ответственность на вас. За страну, за народ. За будущее. За будущее? Нет, мы не согласны. И Баба-яга – против. Срочно налейте нам. Чего? Обезболивающего? Зачем же сразу угрожать? Портвейну для начала. А за пивом мы и сами сбегает. Мелочь есть. Гы. А куда это вы за пивом побежать собрались? Да хоть куда. Да вот магазин, и вот, и вот. Та хоть в пивняк. Вон этот. Или через три остановки. Ну-ну. Стоп. Стоп. А это чего такое? А это – антиалкогольная компания. За здоровье нации пойдем в штыковую против гидры алкоголизма. Это вы того... Мы так не договаривались. Э. Водку быстро вернули в магазины! Пивные все открыли! Быро давай! А то что? Пятнадцать суток захотел? Или закроем тебя на пару лет. Не желаешь? Пошутил. Пошутил. Пошел. Ухожу. Ухожу. Отошел. Шепотом так. Ну, суки. Мы вам еще кишки выпустим. Наружу. И жрать заставим. Попомните мое слово, менты поганые. Ладно. В очередях постоим. Оставили 10 пивнушек на весь город, ничего. Брагу будем делать, самогон гнать. Нас указом не убить, пили, пьем и будем пить.

Товарищ, а что ты сделал для перестройки? Я? Да, ты, товарищ. Но я еще не понял, свое место в обновляющемся обществе. Времени нет, товарищ. Ускоряйся, переходи на хозрасчет. Ты ведь так и не понял. Мы опять догоняем и перегоняем. Понял я. Мы всегда догоняем и перегоняем. Покой нам только снится. Я подумаю. Думать некогда. Долой страусиную политику! Долой застой! Даешь демократизацию! А чего, демократизация... Менты вон вчера ребят знакомых забрали за то, что они пластинками в переходе менялись. А толкучку в Малино, каждое воскресение менты на нескольких машинах разгоняют. Еле через лес убежали. Остановит тебя вот такой краснорожий милиционер и давай, понеслось. Почему волосы длинные, почему серьга в ухе? Поехали в отделение. Чего за футболка, чего на ней написано? Преклонение перед западными ценностями? Ты комсомолец? Конечно комсомолец. Мне через год в МГИМО поступать. Туда некомсомольцам нельзя. В МГИМО? Понятно. Звони отцу. Пусть приезжает за тобой. Приехал. Подзатыльник. Ты долго еще будешь меня позорить? Пап. Что Пап? Мы через месяц с мамой в Англию, в командировку, на год. Мне страшно здесь тебя с бабушкой оставлять. Я уеду, ты в тюрьму здесь, что ли, сядешь? А на майке, кстати, у тебя здесь что написано? «Айрон Мэйдэн». Что за фигня? Железная дева. Ты отца еще английскому поучи, молокосос. Я спрашиваю, что они играют? Тяжелый метал. Ладно, дома поставишь. Я ведь пластинки тебе вроде нормальные привозил. Чем тебя «Битлз» не устраивает? За них вроде сейчас и не гоняют. Отстой пап. Что ты вообще в роке понимаешь? Отстой. Иди с глаз долой, в десять дома чтоб был. Понял? Понял. Пап, червонец дай. На. В бар пойдете опять со своими друзьями. Смотри не напейся. Ты же меня знаешь. Знаю, знаю. Вали. Майку сними! Папа. Может мне школьную форму вообще одеть. Уйди, пока не придушил. Отцы и дети. Всегда так. Они будут жить лучше, чем мы. И лишьбынебыловыйны. Все ведь у них есть. Стараешься, стараешься. А в ответ черная неблагодарность. Мы же за вас. На улице только беда! Хулиганы, гопники и прочая нечисть. Стоп! Стоять! Деньги есть? На, в рыло, получи! Побегал! Видишь метро? Туда беги. И в харю с ноги. А с девятого квартала их человек двадцать прибежало. И всем кто на их пути был – досталось. Собираются чуваки. Да и взросляк подтягивается. Договариваемся. Встречаемся у кинотеатра. С их стороны человек двести и с нашей где-то так даже очень близко. Стоим, мнемся. Кровь разыгралась. Разогрелись водкой. Но чуть-чуть. На ногах же мы должны стоять. Ремни армейские. Ножечки. Кастеты. Цепи. Рожи у всех татарские-мордовские от злости стали какие-то. Стоим, как на Куликовом поле ждем, когда Пересвет с Кочубеем сойдутся. Стоим, с ноги на ногу переминаемся. Жаждем крови. Для нас девятый квартал, как Золотая Орда, а мы десятый, то есть как Великая Русь. Уж мы не спустим супостату обиды лютой не простим. Ну, наш Пересвет известен, это Пузырь с параллельного класса. Он со второго этажа прыгал, когда от ментов убегал, поскользнулся и головой ударился. С тех пор он Пересвет у нас. Вышел. Кочубей у них не менее отморозенный восьмиклассник. Понеслась. Руки как лопасти пропеллера все быстрее, быстрее. Первая кровь. Мы побежали молча. Вон стоит малек губастенький, глаза наполнены ужасом. Эй, пацан! Ну, че, пацан, здорово. Ппривет. На, в харю! На, по яйцам! А у тебя прут железный. Где взял? Удар. Увернулся. На, еще, и выкинуть из толпы, чтоб не убили и не растоптали. Лежи, отлеживайся, с почином тебя, пацан. У каждого что-то всегда бывает в первый раз. Так то. Еще одного видим. Волосы ты зря отрастил себе такие длинные. За них схватить очень хорошо, намотать их на кулак и удар в нос. Нос разбит, кровь течет. На, в глаз! Еще кто-то ударил. И еще. Убивать не будем. Мы ж без злобы. Кулачные бои у нас еще при царе Горохе были. Учи матчасть. Кабан какой-то сильно моего дружка ЮркА забивает. Навис над ним и мочит его кулаками пудовыми. Держись Юрок. Палку с земли поднял и об кабана, об голову его сломал. Кабан рухнул. Ну, теперь у ЮркА пошла забава. Ногами его метелить. На, каблуком в нос! На, мыском в пах! На, сука, на, падла! Тот и не шевелится уже. Чу, звук до боли знакомый, от боли же и вмиг вылечил. Менты приехали, мигалкой мигают, в матюгальник чего-то орут. Расходитесь русско-монгольские хулиганы типа с Куликова поля. Посмотрели на них, как

на насекомых. Драться перестали. И все как один двинулись на ментов. Они все поняли. Смекнули. Шофер еле-еле успел последним из машины выскочить. А мы взяли эту машину на руки – и перевернули. И на крышу с хрустом. Даже стекла выбивать не стали. И драка, даже не драка, а возня какая-то, вяло продолжилась. Все ведь знают, что дальше будет. Ждем. Приехали. Милиция. Пожарники. В них камни, прутья полетели. Но без особого энтузиазма. Роли написаны, роли каждому розданы и каждый роли эти выучил почти наизусть. Пожарники, или пожарные? Как правильно, кто знает? Так вот, люди эти в касках развернули брандспойты. И как дали. Многих с ног сбило. Веселье закончилось. Побежали во все стороны со всех ног. Ну а кому не повезло, тех изловили менты и долго били в отделении. А на утро все мы, как огурцы. Спустились вниз, спустились в ад, метро называется. Кто и на автобусах, некоторые пешком. Но к четырнадцати ноль-ноль у всех мысль одна. Как бы выжрать снова! Где же вы золотые брежневские денечки? Еще не раз, это вопрос-тире-плач раздастся громовым раскатом над просторами нашей необъятной Родины. Да многие с похмелья писателями или даже поэтами становятся. Вот простой человек не с похмелья и не в предвкушении разве способен не то, что произнести, но даже подумать такую сложную фразу «громовым раскатом над просторами нашей необъятной Родины». Свят, свят. Привет, чуваки. Как дела? Отпросились с работы. Я тоже отгул взял. За прогул. У-га-га. Чего, в «ближнем» были? Там пусто. Даже сигарет нет. А в «дальнем»? Та же история. А завезут? Сегодня нет. Куда пойдем? Старушка добрая мимо проходила: «Сынки, на площадь, в универсам завезли». Спасибо мать. Побежали. Прибегаем. Очередь как в Мавзолей. Отец, ты последний? Да, я. Мы за тобой. Вот Горбатый, сука, что удумал. Ему бы со своей Райской так в очередях постоять. Помучиться. Он небось коньячину армянскую стаканами глушит, да бутербродами с маслом и с черной икрой закусывает. Ему все равно, как рабочий класс живет. А у меня, сынки, давление, да бабка парализованная год уже без движения лежит. Пенсия у меня маленькая. Вот так и живу. Вы последние ребята? За нами будете. Бать, так ты ж, небось, ветеран войны? Конечно, у меня и удостоверение есть. Так иди, возьми без очереди. Какой, без очереди. Меня там бабки обматерили, а алкаш один драться полез. Мне чуть плохо не стало. Пусть подавятся, сволочи, водкой своей проклятой. Бать. Давай мы с тобой пройдем, а ты нам поможешь портвейна купить. Лады? Сынки да я..., они ж орать будут... Да там еще милиционер у входа стоял, в доле он. А мы с тобой маленького пустим. Маленького. Этого что ли парня здоровенного? Малыш. Ха-ха. А давайте сынки, где наша не пропадала. В пулеметную атаку не погиб. А сейчас уже и помереть не страшно, нахрена она такая жизнь. Граждане пропустите. Ветерана войны без очереди. Я тоже, бл., ветеран. Документ покажи. Ну и закрой хавальник. У нас есть. Бать покажи. Видал. А вы кто такие? Внуки мы, понятно. Ну, мне не понятно. Слышь ты, пойдем, выйдем, я тебе сейчас все популярно объясню. Не пустим без очереди, бабка одна визжит. Все ломанулись в магазин, сметая все на своем пути. Мент еле-еле успел дверь закрыть, перед носом разъяренной толпы. Наконец-то у прилавка. Стоим выбираем. А чего выбирать. Портвейна нет. Водка и «Салют». На коньяк вообще не смотрим, дорого. Дедок наш водочки взял. Мы от него не отстали. Водки взяли и шипучки этой на запивку. Коктейль Молотова можно сказать. Никогда не пробовали выпить водки и «Салютом» запить? Попробуйте, не пожалеете. Некоторым «Буратино» после водки хватало. Выходим. Нас провожают полные ненависти взгляды. Неудачники. Спасибо отец. Может, выпьешь с нами? Нальете, чего же не выпить. Нальем, нальем, не волнуйся. У Маленького с собой всегда стакан раскладной. Телескопический. Ему астроном один подарил. Снег валит. Может в подъезд? Да ну его, мы быстро. Вздоргнем. Много налили. Старый совсем. Не выдержал, сломался. Плохо его так оставлять. Замерзнет. А что с ним делать? Мы же своих не бросаем. Ни раненных, ни пьяных. Мы русские ребята. Взяли его, понесли. Подожди. Отец, ты где живешь? Говори. По щекам постучи. Снегом лицо растерли. Не помер? Да вроде нет. Обоссался только. Старик, ты где живешь? Давайте бросим его нахрен. Посидит тут на скамеечке. Авось не помрет. «Я здесь,

ребята. В соседнем подъезде. Лифта у нас нет. А я один не зайду. Мы со старухой на пятом этаже живем». По очереди понесем, на загравках. Донесли. Он дверь еле-еле ключом открыл. Говорит. Забирайте все, что хотите из квартиры. Да нам не надо ничего. Ну, окромя кроме выпить. Вот самогон хороший кум привез. Прозит. Еле ушли. Самогон крепкий оказался. Лез из носа из ушей, короче, через все дыры. Месье. Же... Же... Пошли, короче. Тут недалеко, до Нового Года очередного рукой подать. Все столпились у телевизора. Как же, первый раз поздравлять будет. Бодрый. Веселый. Молодой. Ускоренный. Перестроенный. Трезвопоклонный. Нас указом, короче, не убить. Пили, пьем и будем пить. Настька, горько. Пошел вон, черт лохматый. Дурак ты и шулки у тебя дурацкие и каждый раз одни и те же. Тьфу на тебя. Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Двадцать пять. Комсомольская безалкогольная свадьба на камеры. Как только телевидение уехало, нажрались все и подрались. Как обычно. Наутро все поняли, что это падла Рэйган, как всегда виноват. Мутит против нас в своем Белом доме актеришка недорезанный. Войной грозит. Обзывает нас по матери американской, толстожопой и черножопой к тому же. Наш Никита, тьфу, то есть Михаил Сергеевич Меченый тоже не лыком шит. И дипломатию иногда включит и мышцей поиграет. И главное всегда на виду. И с колхозницей поговорит и с рабочим и с партийным так сказать функционером строг бывает. Перестроимся, ускоримся, на СОИ – асимметричный ответ. Что то это мне все напоминает? Заезженную пластинку. Ура. Тс. Ура. Тс. Ура. Тс. Ура. Тс. Ура. Тс. Ура. Заело. Затрахало. За... Договорились же, при девушках матом не ругаться. А никто и не ругается. Надо уж или отдаться Штатам, как последняя бл. дь и подмахивать и выть как трехгрошевая шлюха от стыда и от удовольствия одновременно. Как же меня еб. т! Простите девушки. Или самим трахнуть эту Америку членом железным, твердо взятым в мозолистую советскую руку. И затрахать до смерти. Только такое противостояние СССР и США. Родина или смерть? Победа или смерть! За стол переговоров перед смертельным сексом садиться ну никак нельзя. Усыпят бдительность. Усыпят тебя, а сами! Вах! И отредактируют тебя по-своему по-несоветски. Нас забыли спросить. Никто не спрашивал и не спрашивает. А тут вдруг спросят? Самоуправление. Демократия. Жди. Решили и нас не спросили. А чего делать? Как влиять на судьбы мира? Надо честно работать каждому на своем месте. Вот вы, например, что сделали для перестройки? Спекулируете джинсами вареными, пластинками, журнальчиками. На работу дворниками устроились. На Арбате ночью бухаете. День через два. Потом опять пьете. Дальше с девками непотребными. В субботу и в воскресенье опять спекулируете. И так далее и тому подобное. Ну как с вами коммунизм можно построить? И так все через одного живут. Единицы болеют за дело Ленина, за дело партии, за дело коммунизма. А нам пофигу. Нас не убить. Мы будем пить. Мы будем топить. Айн цвай. Хайль. Хайль. Это уже из другой оперы. Наши деды за что кровь проливали? Родину не любишь? Родину не знаешь? Родина слышит. Родина знает. Где в облаках ее сын пролетает. Та-да-та-да-да Та-да Та-да-да. Радиостанция Маяк сейчас вам выдаст. Молодежный канал подхватит. И «Улица роз». Жанна из тех Королев, что любит роскошь и... Да ни хрена. По советскому радио. С утра. Слышишь Жа-ааа-нна. Жа-ааа-нна. И гитары. И замотали лохматыми головами. Так если дело пойдет и «Айрон Мэйдэн» по телевизору покажут. И «Ай-Си-Ди-Си» на концерт с «Металличкой» приедут. Люблю Родину. Сынок. Сегодня напьюсь и даже с люберами махаться не буду. Вот ништяк. Я люблю «Алису». Я люблю «Аквариум». Я люблю «Кино». Я люблю «Телевизор». Наш папа – фашист. Я ничего не имею против «Машины Времени», Аллы Пугачевой и Иосифа Кобзона. Алло-ооооооо. Я люблю «Пикник», Я люблю «Зоопарк», Я люблю «Аукцион». Я не имею ничего против Юрия Антонова. Летящей походкой, ты вышла за водкой и скрылась из глаз под машиной Камаз. Только стройными рядами дети ходят в лес, их в лесу у Черной Речки поджидает Бес Бес Бес Бес. Эхо. Рвануло. Что рвануло? Любовь, понимаешь, пришла. Мы трезвым взглядом первый раз на жизнь взглянули. Жить в первый раз в этой стране стало, лучше, стало веселей. А вы со своими новостями. Нахрен гласность. Зачем о плохом. Радиация.

Голос Америки. Голос Америки сам по себе хуже и вреднее всякой радиации в сто раз. Нас как учили? Если в газетах не написали, по радио не сказали, по телевизору не показали, значит не было этого. И наоборот. Раньше все было хорошо. Мы стройными рядами, как олени шли к светлому будущему. И все у нас хорошо. Веришь что у нас хорошо всё? Значит, будет все у нас хорошо. И было у нас всё хорошо. А сейчас мир рушится начал. Чернобыльская атомная электростанция взорвалась. Раньше как было бы? Скрыли от народа и, как будто, нет ничего этого. Вот такая занимательная феноменология. А повторять слова, смысл которых вы совсем не знаете и не знали никогда, это как называется? Не знаем. Иногда лучше рты бы свои заткнули, за умных что ли бы сошли. А слухи распространяются. Черной былью разъедают неокрепшие комсомольские души. И обезболивающее пропало из всех магазинов. Слава богу у таксистов еще можно ночью купить. Да и те норовят отвезти тебя в глухой двор и озираются еще несколько минут, опасаясь ментов. А черная быль пришла на просторы нашей Родины с первыми умершими чернобыльцами, которые, вырвавшись из секретных моргов, стали нападать на простых людей, на милиционеров, на пенсионеров и простых партийцев, кусали их страшно радиационными зубами, и те, также страшно на глазах у уважаемой публики, превращались в светящихся чернобыльцев. Зараза стала распространяться в темпах геометрической прогрессии, и глухая черная злоба расходится по стране. И по миру готова была уже распространиться, но наши доблестные пограничники окапались вдоль всей границы. Нарыли окопы встали в круговую оборону, плюс местные жители приграничных районов добровольцами пошли и не пустили зомбий чернобыльских за территорию СССР. А внутри тут что началось. Главный зомби всю Перестройку продолжать начал и все с воём бесовским поддерживали это антиленинское дело. Работать начали, аж дым валит из одного места, вырыли и оживили всех покойников, даже сожженных когда-то в крематориях и стало нас населением в четыреста миллионов, не как китайцев но все же. Стали строить, где надо и не надо электростанции атомные и кормить их радиоактивным смертоносным плутонием. А хлеб никто не убирает. Коров, коз, свиней, всяких кур разных съели, передушили, а кого не съели всех понакусывали. И ходим теперь. Лица красные, неприятные трезвые – злые. НЭПом новым пахнет. Зубы острые, кулаки пудовые. Бабы на мужиков похожи, даром что усов и бороды нет как нет. Главный меченый зомби орет по ящику круглосуточно. Алкоголиков вредителей и их заокеанских покровителей честит и в хвост и в гриву. Карикатуры на них в журнале «Крокодил» рисует. А мы на марши всякие, на демонстрации Первомайские ходим. И не забываем на ноябрьские праздники пару христианских младенцев замучить. Горе тебе земля, ох прорвем мы заградительные отряды, что вдоль границ нашими бывшими соотечественниками охраняются. Ох, расплоземся по земле, с нашей отвратительной Вам идеологией Чернобыльского зомбоизма. Вахр. Напьемся крови христианских дев и не только. Не помогут вам бомбы ваши ядерные нейтронные водородные. Не боимся мы их. Для нас радиация как мать родна и среда обитания еще. Мы уран вместо завтрака, обеда и ужина грызть можем, нам радиоактивность, как душ ледяной с утра. А вы? Пуль серебряных на всех не хватит. Вооружайся не вооружайся. Так Советский Союз победит всех, в который раз уже. Наполеон нас хоронил? Хоронил. Сталин нас хоронил? Хоронил. Гитлер нас хоронил? Хоронил. Рейган нас хоронил? Хоронил. А мы всегда выживали, видоизменяясь, превращаясь во все более уродливых, все более приспособленных к жизни на этой земле тварей, наподобие тараканов и крыс. Что съели? Накосья выкуси. Не подавитесь нашими телами. Гегемоннопролетарскими. Буржуи, сука, недорезанные. Мы вам и за Мальчиша-Кибальчиша и за Мальчиша-Плохиша и за остальных мальчишей. Пох, что они против друг друга воевали. Мы вам и просто так бы кишки выпустили. Ради куража. Просто из-за хорошего настроения. Так-то суки. Кто на нас с Михой? Па-аааа-аадлы! Всю жизнь народу ломали. Но катастрофы катастрофами, а жизнь продолжается. Сначала нормальную еду присылать начали и скидывать на самолетах. Потом партактив в клиниках западных

подлечили. Дольше народу в обязательном порядке прививки сделали. Промыли дальше головы оставшимся империалистической пропагандой. Завезли эшелонами шмотки, джинсы аппаратуру, грампластинки. Открыли Горбушку. Жизнь потихоньку начала налаживаться. От слова «Лажа», да? Нет от слова наладка. На той же Горбушке можно что хочешь купить. Хочешь «Кинг Кримзон»? Пожалуйста. Хочешь «Генезис»? Возьми голыми руками. Не задаром, но и не за золото-бриллианты всего мира. Да ладно, все у вас есть. Знаем мы, чего у вас нет. Пластинок «Ван Дер Грааф Генератора» у вас точно нет. Как нет? Вот они. Вам какую? У нас все есть. Ни буя себе. Как на Западе. Мы и фильмы какие хотите в кинотеатрах покажем и советские и иностранные. Феллини изволите или Микеланджело Антониони или мы сможем даже вам показать на закрытых и не очень (да ладно добро дали в широком прокате). Барабанная дробь. «Пролетая над гнездом кукушки». Раз. А «Звездные войны» не хотите? Хотите. Скоро покажем. Все что раньше запрещали – разрешаем. Телемосты с Познером. Секса у вас в СССР нет? Нате вам секса. Только осторожно. Не переборщите. К сексу нагрузка. Проституция и наркомания. Наркомания нам зачем? Наркоманию может себе оставите? Возьмите – недорого. Почти задаром. Первая доза вообще бесплатно. Ладно, давайте. Вот спасибо, вот хорошо, а мы вам за это... Мы короче попросим, чтобы всемирная организация здравоохранения вам несколько самолетов одноразовых шприцов сбросила. А то СПИД, понимаете ли. А СПИД тоже нагрузка? Подождите... Подождите... Все, некогда нам, нам в Нигерию по делу срочно. Упорхнули. Что делать? В кино сходите. Там Тарковский, Герман, Муратова из наших, из советских, льют на мельницу классовых врагов. Каких врагов? Они уже друзья. Можно все. Можно все. Можно все. Не волнуйтесь. Руководящая и направляющая роль осталась. Только чуть-чуть видоизменилась и демократизировалась. Займитесь собой. Съездите в Крым или в Прибалтику. В Крым? Там все спокойно. Про крымских татар это там все врут. Спокойно тихо. Иногда можно подраться... Слушайте какие крымские татары... Я вообще про это первый раз слышу. Долго объяснять. Билет брать будете? Да. Буду. Плацкарт. Еду в Крым в Алушту. Будем слушать «Яблоки на снегу». Пить теплый портвейн. Драться с качками, которые приходят толпой в единственный магазин, и пытаются взять без очереди. После драки брать всем вместе портвейн без очереди. Пить с качками. Потом пиво в единственном пивняке. Плакать от того, что нам двадцать пять и больше мы ни-ни. Да хватит пить, пошли телок снимать, которые ходят по берегу моря загорелые, зовущие, дающие. Бабы от нас бегают, потому что мы пьяные, дурные шумные и одна сказала, что от нас пахнет блевотиной, пивом и кашками. В тот вечер мы никого не сняли, зато встретили армяна какого-то, который подошел к нам держа руку в кармане и начал рассказывать нам, что в кармане у него нож. Мы не дослушали его, двумя ударами отправили в кусты и ногой по заднице. Да. «В сексе люблю неистово симулировать». Где это было написано? Кто автор? В какой книге? Никто не помнит. Потому что нигде это не написано, ни в какой книге и никто не помнит. Это в будущем одна девушка напишет лазерным карандашом в фотонной тетради и отправит по телефонным проводам своему возлюбленному, находящемуся на другом конце города и письмо телефонное дойдет до него в течении одной секунды. Не то, что сейчас. По три дня письмо из Москвы в Москву идет. Проверено. Пока его из ящика вынут. В отделение почтовое занесут, там расформируют, по пачкам раздадут почтальонам, почтальоны кинут в ящик. А ты в него, в ящик этот, можешь еще три дня не заглядывать. О чем рассказ был? О возлюбленном, о электронном письме, о неистовой симуляции в сексе. И о девушке. Что произошло дальше? Бросил он ее. Как это знакомо все под луной. Мы анашу точно не курили? Нет, портвейн какой-то странный. Может они стали на людях экскременты ставить? ХАХАХА. Ну, вот, опять смешливые попались. Жаль, что из Крыма в Прибалтику поехать так вот прямо нельзя. Только через Москву. У нас все через Москву. Напрямую города в этой стране никак не связаны. Через Москву. Оттого и ненавидят ее лютой ненавистью все. Практически все. Но все всё равно через нее едут

на всякий случай. Выпить на Красной площади. Или сесть там на самолете. Прямо на Красную площадь, раз система ПВО пропустила. Сели. Вышли. Выпили. Прыгнули с моста. А милиция не остановит. Милиция сама ничего не понимает. Кого арестовывать, кого не арестовывать. Кого бить, а кого ласкать. Гладить. Целовать. Вот. Да. Но. Нам кажется, с Ельциным зря так поступили. Мы бы, например и не узнали ничего о Ельцине, если бы тогда не гуляли на одной еврейской свадьбе в ресторане Прага. Евреи они знаете какие? Умные. Несмотря на... Да... Им уже даже решением Особого Закрытого Пленума ЦК запретили высшее образование давать. А они все равно того... Умнее. Последние слова слышны на свадьбе этой как сейчас. Бориса Ельцина они зря тронули. Мы Бориса в обиду не дадим. Борис ты не прав. Это уже слышится голос на танцплощадке какой-то. Там басист со всего размаху бьет бас-гитарой по зазевавшемуся танцору, который по счастливой случайности не успел убежать до того как началась драка. Ох Русь моя Русь, куда ж ты мчишься немая Россия страна лохов страна козлов и вы мундиры, понимаешь, голубые... И ты. Как Вы кстати относитесь к голубым? Мы никак не относимся. Мы их, если что, ловим, бьем и назидательно говорим, что в деревне вас бы совсем убили. А что сейчас вообще происходит, какой год на дворе, кто нами правит? Есть ощущение, что вот еще немного и конец света наступит. Смотрите. Коммунисты со своими привилегиями разворовывают страну, уже скоро воровать будет нечего. Останутся одна или дведохлые мышки и пустота-тишина, как в морге. Страх. Жуть. Мор. Разгул Панка по жизни. И не как стиля жизни, а как самой жизни. Помоечной, пьяной, грязной и нецивилизованной. Вот есть же один приличный у нас на всю страну человек – Сахаров. Вот его слушайте. Он всю правду вам скажет, по полочкам математическим разложит. Про фашизм настоящий, про светлое будущее, про совесть, Родину и все такое прочее. Так ведь не слушает никто его. А тащат, тащат, тащат, тащат. Не сдаваясь. Со своих рабочих мест, с государственных полей, друг у друга. Наше время – время большого вора. Хочется убежать отсюда, хочется уехать. Но как. Железный занавес, простреливаемый периметр. Да и там никто тебя не ждет, если ты не еврей, не немец и не демократ. А как русский человек может быть демократом, когда он на самом деле татаро-башкиро-мордвин пскопской? Эх, где родились там и пригодились. Начинай здесь обживаться по новой перед катастрофой, Глобой предсказанной. Или начни уже в Бога Иисуса Христа нашего верить. Ведь Праздник Какой! Тысячелетие Крещения Руси На Носу! Возрадуйтесь, возрадуйтесь православные! Ведь были же мы все коммунистами, нам ли бояться православными стать всем. Или другими наперсточниками. Кручу, верчу, выиграть хочу. И не просто выиграть, а выиграть по-крупному. По очень, очень крупному. Своровать и убить. Не вопрос. Друзья давайте всех уьем? К чему им жить? Ленина для начала почитаем. Не он ли советовал расстреливать и расстреливать и... Расстреливать? Или не он? Это раньше можно было только Ленина почитать. Ну, иногда от скуки «Малую землю», только одним глазком взглянуть, после конспектирования ленинских нетленок. Сейчас. Глаза разбегаются. Хочешь вместе с Солженицыным в познавательнейшее путешествие по архипелагу Гулаг? А хочешь, вам пересадят собачье сердце прямо в голову? Не нравится Советский Союз? А все великие и лучшие люди прошлого, настоящего и будущего вам о чем говорили? Не слушали их. Так сейчас почитайте. От вас Достоевского зачем скрывали? Не всего, но самое лучшее. «Бесов». Зачем? Чтобы навязать вам коммунистическо-лубяньское мировоззрение. За пайку. За хлебаизрелищ. За место в первом ряду на боях гладиаторов. Страшно? Нет еще. Вот нате вам двоевластие. Нате Вам законы Российской федерации, которые входят в противоречие. Вот вам бессилие власти на местах. Вот вам ямы на дорогах. Продуктов в магазинах нет? Только морская капуста? Сигарет нет? Приходится дубовые листики курить? Самогон у цыган покупать? Убираться во дворах перестали? Денег полно, а купить нечего? А вы думали, до чего еще коммунисты довести вас могут? Долой КПСС! Сейчас еще приедут ребята, которые свалили из СССРии в ранних восьмидесятых будут вас учить как с неграми в жопу трахаться. Не нравится? Войска из Афганистана выведем.

Берлинскую стену разрушим. Всех союзников по Варшавскому договору сдадим. Ну как вас еще вывести из себя? Американцы – не враги. Все кто против коммунистов – друзья. А можно мы Вам на рожу нассим? Долларовым дождем. Бл., все можно! Ленинград в Санкт Петербург можно переименовать? Курильские острова Японии можно отдать? Ядерное оружие сократить на х.й! Страну расформировать. Раздать по частям всем кто возьмет и не подавится. Японии еще Дальний Восток. Китаю – Сибирь. Польше – Украину и Белоруссию. Прибалтику – немцам. Кавказ – туркам. Среднюю Азию – Америке с Англией. А Молдавия кому-нибудь нужна? Не нужна. Ну, мы себе оставим. В хозяйстве все пригодится. И срочно всем учить эсперанто. Все нет больше СССРаной России. Вся кончилась. Все раздадим. Так победим? Москва – город спекулянтов. Колбасных магазинов. Лимитчиков. Приезжих и прочей всякой х. йты. Это ты во всем виновата. Это из-за тебя страна рушится. Разбомбить, уничтожить тебя, и великая Русь спасется. Вырезать раковую опухоль из здорового организма. И не сразу не в миг, постепенно, но вылечимся. Выйдем из пике. Новую Святую Русь отстроим. Без печенегов, без хазар-иудеев. На православии и народности. И царь. Царь нам нужен православный. Романов пойдет. Но и другой, такой как Сталин тоже пойдет. Такой чтобы железной рукой собрал по кусочкам разваливающуюся, растаскиваемую родину всякой жидовской, чуркестанской и прочей заокеанской демократической нечистью. О, Царь! Приди и покарай! Спаси нас! Ибо не можем мы дальше жить на земле этой великой и позорить святую память Великих Предков. Петра Первого, Вещего Олега, Минина и Пожарского. Кутузова, Суворова и Нахимова. Жукова и Чапаева. Приди, спаси от иноземных захватчиков, которое свили свое паучье гнездо прямо в сердце моей Родины, в Кремле. Не можем мы так больше. Дай выпить! Видишь трясет не по детски от недопития. Сердце заходится, останавливается. Дай выжрать, сука! И забыть как страшный сон, всё, что происходит сейчас здесь. Дай выпить, не могу больше телевизор смотреть, не могу на работу ходить. Стыдно мне. Дай водки! Ибо только она, родимая сможет потушить пожар сей в душе моей вечной. Царь православный. Приди и залей здесь все водкой всеочищающей непобедимой, чистой как роса, как слез ребенка. И мы все умирать будем только с твоим именем на устах. И пей с нами, пей как мы, пей лучше нас. Смерть трезвенникам! Смерть сукам кремлевским политбюройным старцам. Дайтееееее Выпииниить! Сукииииии! Спасибо. Вот спасибо. Уважили. Стариков. И молодежь. Спасибо. Да товарищи. Мы оденем трусы. Джинсу. Отрастим хаер. Вспомним Дип ПАРпл. Лето любви. Дети цветов. Подпишем, все что хотите. Извините, не угостите сигареткой? Спасибо. «Космос». Уважаю. Можно две? Еще рюмочку. Нам сейчас так редко удастся выпить. Общественность, женьпушкизаряжены, партком, профсоюзы, мнение соседей. Поэтому мы иногда и психуем, и в драку лезем. И ругаем даже социалистический строй. Ваше здоровье. Но мы же понимаем, что Родина – это наше все. Родина нас выучила. Выкормила. Родина нас защищает. А высшие должностные лица, они ночами не спят. Все думают о нас, о судьбах мира. Пполную, пожалуйста, налейте. Пожалуйста. Видите края. Это хорошо. Рок-н-ролл. Включите. Агузарову и Пресли. Или «Электрик Лайт Оркестра». Нам очень, нах, нравится. «Хэв ю эвер син зе рэйн». Это «Криденс»? Какая разница. Хариссон, кажется и там и там играл. Не играл? А кто? Водка кончилась? А что есть? «Пингвин». А это что такой за зверь? Лосьон. С мятным вкусом. Давайте. Наливайте. У вас упаковка целая? Хороший. Надо было с него начинать. Как ликерчик. А давайте девчонкам позвоним? Как зачем, чтоб пришли. Они здесь. Сидят. Это девушки? Не понятно пока. Выпьем? Друзья. Прекрасен наш союз. Нет не нерушимый республик свободных. А наш. Местный. Давайте организуем здесь подпольный обком. Выберем Секретаря. Назначим Патриарха. Наймем Армию и полицию. Денег печатать не будем. Возьмем ближайший винный магазин. Забаррикадируемся. И за водку будем покупать все. Еду, женщин, лояльность населения. Откупаться от странствующих Робин Гудов. Нам еще нужен кто-то, кто будет говорить нам, что мы опустившиеся скоты. Совесть нации. Нет ну их на... Нам интеллигенция не нужна. Смотрите. Мы главные. Продавщица

нужна. Бухгалтер. И боксеры. Все остальные могут ехать к едрене фене. И еще радиоточка. И телевизор и магнитофон. Или если их вдруг обесточат, клоуна универсала, который и песни и пляски и стишки и в жопу бы дал, если бабы вдруг закончатся. Нет, ну это уже извращение, православная церковь против... Батюшка, на всякий случай, мало ли что, не для постоянного использования, а в редчайших случаях духовного недомогания. А в остальные дни? В остальные дни – пост и молитва. Благословляю! Ваше здоровье! Что же вы падаете? Аккуратней. Не перевелись еще в стране нашей богатыри! А вот вы сейчас можете выпить полную пивную кружку коньяка? На спор? На слабо! Помрем. От алкогольного отравления помрем. Ссыте. А я Вам сейчас покажу. Русские не сдаются. Глоток. Русские после второй не закусывают. Глоток. Русские – самые правильные люди на самом деле – глоток. Русские после третьей закусывают. А я – нет! Я – бог. Супербудда. Могильщик перестройки. Высший человек, суки. Стоять! Куда пошел, падла! Что значит, убери пистолет. Ой! Я случайно выстрелил. Не вой, дура! Он живой еще! Всем лечь! У меня в руках граната! Чека вынута. И жизнь навечно поломата. А ведь жизнь так хорошо начиналась. Мамина улыбка, мамин голос. Молоко. Мамино молоко. Потом все – друзья. Все – любимые. Все любят меня – и я люблю всех. Есть Бог. Он добр и бородат. От него пахнет – дорогим табаком, дорогими шотландскими виски (одномальтовыми, островными), медом и орехами. И когда началось все ломаться и рушиться? Аплодисменты. Кто еще здесь? Ты почему не лежишь лицом вниз и не гадишь под себя? Кто ты? Я тот самый, пахнущий орехами и медом. Пришел проводить тебя в последний путь. Думаешь так все плохо? Гораздо хуже, чем ты думаешь. Здесь ударение на последнее слово. Оно ключевое. Менты, кбшники очень быстро примчатся. И у них приказ – пленных не брать. Так я всех убью. Им что ли своих советских людей не жаль? Не жаль. Так я их убью, прямо сейчас. Два контрольных выстрела в голову. Раз, два. Мост. Рубикон. Молодец, малыш, я горжусь тобой. Никто не мог сделать лучше. Прекрасная иллюстрация к словам – «умираешь всегда в одиночестве». Даже если вокруг миллион зевак. И казнь твоя проходит в прямом эфире. Кто все эти люди? Свет. Камера. Мотор. Они кино снимают о моей жизни? Нет, твоя жизнь абсолютно не интересна никому. Они пришли снимать твою смерть. Смерть в прямом эфире, что может быть интересней? Ветви. За окном шумят. Дайте отдохнуть. Не мешайте мне. Мы не можем, у нас телемост. Мистер Познер? Мистер Донахью? Вы готовы? Итак, у нас в прямом эфире? Вас как зовут? Представьтесь, пожалуйста, нашим советским и американским телезрителям, которые налетели как мухи на говно на вашу смерть. Я не хочу, я правда не хочу. Я устал. Я бы с удовольствием жил как раньше. Милая прекрасная патриархальная страна. Генсек – дедушка. План пятилетний. Все хорошо. Броня крепка. Нас защитят от этого страшного мира, что за периметром. Накормят, обогреют, оденут, обуют. Можно мне туда? Подождите гражданин. Вы узнаете этих людей, что лежат сейчас на полу, все в крови с множественными ножевыми ранениями, несовместимыми с жизнью? Да, узнаю, это мои папа и мама. Скажите, вы узнаете этот нож? Да, это мой нож. Но это не я. Я не знаю, кто это сделал. Это не я, простите меня. Простите. Это не я сделал. Я ничего не помню. Я не мог этого сделать, ведь я так их люблю. Мама, папа. Вставайте, просыпайтесь. Пойдемте домой. Давайте уйдем из этого нарождающегося ужасного мира, который погубит наш мир, нашу Вселенную. Нашу Родину. Который, превратит всех людей в этих ужасных монстров. Зомби. Трезвых. Расчетливых. Гадких. Нелюбимых. Нелюбящих. Долой мир наживы и чистогана! Да здравствует! Коммунистическая Партия Советского союза! Да здравствует Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи! Да здравствует Всесоюзная Пионерская Организация! И их друзья октябрят! Слава! Слава! Слава! Кладбище. Кресты откуда-то. Почему я вижу это? Откуда этот тлетворный запах? Я умер! Мы умерли! Мы все умерли? А мы все жили? Мы жили. Я буду бороться! Я буду защищать Советский Союз с оружием в руках. Враг не пройдет! Победа будет за нами! К оружию граждане! К оружию! Наручники! Оденьте на него наручники! В машину. Всё,

повезли. Кинооператор – работу закончил. Теперь очередь за патологоанатомом. Подождите! Но он ведь еще живой! Я не могу этого сделать! Вызовите врача! Послушайте, какого врача? Скоро Новый Год! Генеральный секретарь будет нас поздравлять. Ладно бы, какой проходящий год наступил бы. А ведь через несколько часов наступит. Одна Тысяча Девятьсот Девяностый Год. Начнутся девяностые годы. А восьмидесятые уйдут в небытие. Понимаете, в небытие. И все будут говорить, что не было ничего. Понимаете, ничего. Вскрывайте. Или будем стрелять. Но это же убийство. В первый раз что ли? Режъ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.